

Victor Ekgardt

БАЛАПАН

или

как исчез из России один народ

Victor Ekgardt

**Балапан, или Как исчез
из России один народ**

«Литео»

2017

УДК 821.161
ББК 84-4

Ekgardt V.

Балапан, или Как исчез из России один народ / V. Ekgardt —
«Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-851-3

В книге Виктора Экгардта затронуто одно из самых трагических событий нашей истории – депортация немцев Поволжья. Безвинный народ, мирный и трудолюбивый, насильно и варварски, в один день, был выдворен с родной земли в ссылку и лагеря. Уничтожено население целой Республики, его культура, загублены тысячи жизней... На фоне этой исторической драмы ярко выписана судьба главного героя. Милый и хрупкий мальчик, волею судеб спасенный и избежавший участи своей семьи, выдержал тяжкий путь. Что станет с ним? Кем он вырастет? Кабы не истребление его народа, стать бы ему мирным земледельцем и добрым семьянином. Но теперь его жизнь полна душевных терзаний, мучительных поисков своего места в этом суровом мире. Он становится беспощадным мстителем, не ведающим страха. Однако в его сердце еще живут надежда и человеколюбие, все более подавляемые ненавистью к человеческому роду и жаждой мести. Сможет ли наш герой выстоять, не опуститься на дно? Что спасет его? Конечно, истинная чистая любовь... Достоинствами романа являются не только высокая историческая достоверность, но и элементы авантюризма, захватывающие приключения, романтизм вкупе с трагизмом и реалистичностью жизни, а также лиричный трогательный финал, который вселяет в нас желание жить и верить в лучшее.

УДК 821.161
ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-851-3

© Ekgardt V., 2017

© Литео, 2017

Содержание

Пролог	7
Командировка	10
Депортация	13
На борту	16
Безымянный разъезд	20
Überraschung[7]	24
Баржа смерти	26
Побег	30
Фроинд	36
Карл[14]	39
Вторая семья	43
Две полбеда	48
Амалия	50
Сильвия и Нахтигаль	52
Новая жизнь	54
Взросление	56
Смерть Фроинда	58
Снова в бега	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Victor Ekgardt
Балапан, или Как исчез
из России один народ

© Ekgardt V., 2017

© ООО «ЛИТЕО», 2017

Пролог

Сентябрь. Начало. В последние дни существования Автономной Республики Немцев Поволжья погода особенно удалась. Так решил великий гений, возждей всех народов, росчерк его пера. Я сейчас не о погоде, ибо здесь он бессилен, а о последних днях. Он дождался конца уборочной страды со своим пером, чтобы перечеркнуть и поломать всё. 60 миллионов пудов зерна немцы дали в том году. Кто заполнит дыру на следующий год... так далеко возждей не думал. Его заботило только, как спасти сегодня свою задницу от Гитлера, который серьезно претендовал на нее. Он предпринимал самые отчаянные попытки для ее спасения – самого драгоценного. Все действия гения в конечном счете сводились к одному – к удержанию власти в своих руках любой ценой. И уплаченная цена была так высока, что не может быть оправдана никакими высокими, самыми высшими целями, в том числе и целью сохранения государственности, уже не говоря об установке диктатуры пролетариата в этой стране или во всем мире. Эта цель – сохранение власти любой ценой – именно любой, вплоть до отдачи под расстрел родной мамы, если бы коснулось, и была приоритетом в политике возждей всех народов. Так было до войны, так осталось и после. На «всякий случай» по первому подозрению, чаще совсем необоснованно, отправлялись в ГУЛАГ, подвергались казни, были репрессированы, депортированы, просто для профилактики.

Горе стране, которой руководит тот, кто из грязи в князи попал. Особенно плохо, если у этой грязи уголовное прошлое.

Сколько за этим росчерком поломанных, изуродованных судеб, сколько жизней ушло безвозвратно. За каждой такой судьбой стоит отдельный человек, со своими предпочтениями и привычками, желаниями и стремлениями. Это старики и дети, мужчины и женщины, которые утратили свой дом, родной очаг, семью, свою родину, близких и родных людей, собственные жизни, в конце концов. Из всего народа республики нет ни одного человека, которого не коснулась бы эта трагедия. Ни одного! Это отразилось даже и на их потомках в третьем и четвертом поколениях, они выросли совершенно другими людьми, необязательно лучше или хуже, но совершенно другими. Никому даже и в голову не придет называть их немцами Поволжья, как их предков, которые имели свою культуру, свой язык, все атрибуты идентификации народа как такового. Как народ он утрачен безвозвратно, его нет и он уже не возродится никогда. Никогда! Может быть, эта трагедия на фоне массового беспредела, творящегося в Советском Союзе после победы революции, не такая уж и из ряда вон выходящая. Может быть, на фоне такой грандиозной бойни, какой стала Вторая мировая война, трагедия немцев Поволжья не такая уж и многозначительная. Одним народом больше, одним меньше – такие пустяки для правящей компартии, которая, чтобы удержать власть в своих руках, отдала бы и вдесятеро больше жизней, судеб, народов... без колебаний, без раздумий, без угрызений совести. Стал ли кто из власти имущих хотя бы спать хуже из-за этого? Ладно там наверху, их эта трагедия едва коснулась. Они уже ко времени начала войны заматерели, благодаря обширной практике, перестали быть чувствительными. А исполнители железной воли? Они весь этот беспредел воплощали в жизнь своими руками, сапогами, штыками и автоматами. Может быть, все-таки не давало покоя хотя бы некоторым из них осознание того, что их руки по локоть в крови, может, хоть иногда просыпались в холодном поту от предсмертных криков ни в чем не повинных жертв? Коснулись ли их сознания мысли о тех, кого они выбросили в казахстанские степи, сибирскую тайгу и на Крайний Север; задумывались ли они, как там эти ни в чем не повинные люди медленно умирали от холода и голода? До какой степени все это было бессмысленно, если даже не вредно с точки зрения благополучия Страны Советов. Почему бы не оставить этих людей на своих местах? Несомненно, они бы принесли большую пользу для Победы, а значит, и для сохранения его власти, своей жизнью и трудом, чем своей

смертью. Вряд ли великий гений хотел навредить стране, устраивая такие чистки, репрессии и депортации, если учитывать, что на его власть претендовал его коллега и соперник по великости – Гитлер. Это было в высшей степени тупо. Тупо и бездарно. Это были скорее отчаянные попытки загнанного в угол зверя, чем обдуманно последовательные шаги... этого же зверя. Так, на всякий случай, оскалась, он и решал судьбы людей и народов. Как у всех мудрых риториков: «Как я могу узнать, о чем я подумал, если не скажу этого, не произнесу вслух». Откуда мог знать великий гений, что хорошо и что плохо. Видимо, в детстве мама уделила ему мало внимания, не объяснила простые вещи, или он забыл все, растерял на жизненном пути, во время своей революционной деятельности, сопровождавшейся террором везде и всюду, зачастую против своих, начинающих поднимать голову соратников, во имя высших целей, которые в конечном счете сводились к власти.

Российские немцы скромно приняли «коллективную вину» и доказывали свою верность Стране Советов в трудармиях, в нечеловеческих условиях, ударным и изнурительным трудом за маленький кусок хлеба и миску «палянта».

На войне потери одной трети населения в месте военных действий – это много, чертовски много, но разум способен воспринять этот тяжкий факт, война ведь. Одна треть населения немцев страны не пережила войну, хотя и не принимала участия в военных действиях, по причине недоверия руководства. Боялись и замордовали эту одну треть. Это никак не может быть принятым ни разумом, ни тем более сердцем. Власть имущие были готовы замордовать и остальные две трети, это бы и произошло, если бы на фронте не появились успехи, а с ними и политика по отношению к соотечественникам-немцам изменилась. Большевикам нужны были рабы, виноватые, вечно им обязанные, беспрекословные. Такими и были в большинстве своем выжившие.

Кроме этого, депортация немцев Поволжья оказала разрушительное влияние на культуру и образование. Эти строки написаны на русском языке, которым автор владеет значительно лучше, чем родным языком своих предков, немецким.

Но как попали немцы в Поволжье, как возникло это царство-государство Республика немцев Поволжья внутри России, да ещё на самой русской реке Волге? Россию и Германию роднит много большее, чем две мировые войны, которые разъединяют, а не связывают, в которых эти две державы были непримиримыми противниками... Но несмотря на это, вряд ли на протяжении истории у России в Европе был более тесный партнер, чем Германия, да и не только в Европе. Из Германии в Россию отмечено три значительные волны переселения на фоне постоянного потока разного рода ученых и авантюристов, врачей и простых крестьян, господ и их слуг. В первой волне, о которой вскользь упоминает родоначальник русского исторического романа И. Лажечников в замечательном произведении «Басурман», были в основном врачи и другой учёный люд. Ведь в России вплоть до XVII века, «благодаря» усилиям Православной церкви, не было даже врачей, не говоря уже про прочий «учёный люд». Басурманами тогда русичи звали всех иноплеменников, в т. ч. и немцев. В то время в Москве и образовалась так называемая «немецкая слобода», или Кукуй. Позже россияне стали звать немцами всех иностранцев, не только выходцев из Германии. Ещё позже была вторая волна, и вновь прибывшие селились и на периферии огромной страны. А за ней и третья, по приглашению Екатерины Второй (манифест от 4 декабря 1762 года), урождённой Софии Августы Фредерики, дочери прусского князя. Вообще-то кровь династии Романовых сильно разжижена немецкой. Так вот, эта третья волна и стала осваивать земли на Волге. Екатерина своим бывшим соплеменникам оказала много разного рода помощи и дала льготы, которые ещё долго имели силу и после её смерти. Например, немцев не рекрутировали вплоть до революции... а они, в свою очередь, многое сделали для укрепления государственности на востоке, где приходилось поначалу отбиваться от кочевников и прочих разбойников. И кроме того, своим прилежным и неутомимым трудом внесли весомый вклад в «продовольственную программу» не только

царской России, у которой в этом плане особых напруг не было, но и большевистской, у которой такие напруги были весьма и ого-го... Созданная после революции, 19 декабря 1923 года, немецкая автономия в составе РСФСР просуществовала до 28 августа 1941 года. А потом прекратила своё существование. Я коснулся этого прекращения существования, этой незаживаемой раны, неизлечимо болящей.

В данном произведении на фоне одной типичной немецкой семьи я старался показать, насколько тяжела оказалась судьба целого народа, ныне покойного. Но в ходе развития сюжета оказалось, что эта судьба не стала главной темой сочинения, но значительное место все-таки в нем заняла. Кому это малоинтересно, потерпите, далее будет увлекательнее...

Versprochen!

* * *

Семья Шмидт: состояние на конец лета – начало осени 41-го года (перед депортацией). Родители: отец – Эмиль Шмидт, мать – Анна-Мария, в девичестве Циглер; их дети с семьями:

1. Эмиль – умер в возрасте 4 лет во время голода 1921-го;
2. Карл – 22 года;
3. сноха Ирма, жена Карла;
4. их трехлетний сын Эдуард;
5. Лео, болезненный мальчик, умер, едва дожив до 1 года, во время голода, в 1921 году;
6. Мари-Катрин, беременна, 19 лет;
7. ее муж Андрей Фукс, 27 лет;
8. Амалия 17 лет;
9. Сильвия – 15 лет;
10. ее жених Александр Нахтигаль, 15 лет;
11. Роберт – 13 лет;
12. Эмма – 11 лет;
13. Нелли – 10 лет.

Всего 15 человек живых, плюс еще один не родившийся, но уже живой, и двое умерших в детстве.

Командировка

Погода, устоявшаяся в августе, обещала задержаться и на сентябрь. Во второй половине этого месяца, августа, когда связанное с уборочной напряжение немного спало, председатель колхоза «Светлый путь» и соседнего колхоза «Заветы Ильича» отправили в командировку своего бригадира Эмиля Шмидта на Сталинградский тракторный завод, чтобы получить новенький гусеничный трактор, который был давно обещан по разнарядке, но все никак не отправлялся с завода. Пусть хоть на два колхоза, но будет такой современный, такой сильный, в 52 лошадиных силы, и такой нужный трактор. Да и керосин к нему обещала родная партия выделять регулярно. Председатель строго наказал Эмилю: «Ты будь там потребовательнее, но в разумных пределах, чтобы не опростоволоситься, чтобы совсем с пустыми руками не остаться. Короче говоря, прояви все свои дипломатические способности – и без трактора не возвращайся!»

Получив такое дружественное напутствие, Эмиль снарячился в командировку. Это была первая отлучка из родной семьи в такую даль и на такой срок, за четверть века ее существования, да еще в столь тревожное время. Он взял с собой сынишку Роберта, подростка 13 лет. Это был шупленький, застенчивый пацанчик, который никогда в своей жизни дальше Гмелинки, центра соседнего кантона, и не выезжал. А здесь предстояла поездка в такой большой город! Он не мог уснуть всю ночь накануне. Ехать поездом было чрезвычайно интересно, смотреть в окно на мелькающие телеграфные столбы и лесопосадки, от которых даже в глазах зарябило. Пейзажи хотя и были несколько однообразны, все степи да степи, все равно действовали на настроение ободряюще, «приподнимательно».

В доме колхозника, куда они с отцом с большим трудом устроились, проведя две ночи на вокзале, было необычайно многолюдно. Роберт поначалу думал, что все приехали получать тракторы и их шансы невелики. Но потом, когда он с отцом попал на завод и увидел ряды этих новеньких, сияющих свежей краской чудес, обутих в гусеницы, он решил для себя, что и им один достанется. С утра до вечера отец пропадал по делам выбивания маленького чуда, а Роберт, предоставленный самому себе, изучал город. Далеко он уходить не отваживался, тем более что отец ему строго-настрого наказал не делать этого. Но однажды все-таки увлекся и заблудился, а спросить дорогу не умел, по-русски разговаривал совсем мало. Он блуждал долго, пока не увидел знакомые места и не сориентировался. Был уже поздний вечер, но на его счастье отец задержался по делам сегодня особенно долго и вечером вернулся слегка навеселе. Такое Роберт наблюдал за ним крайне редко. Эмиль был в приподнятом настроении, наконец удалось выбить трактор и завтра они отбывают nach Hause¹. Трактор СТЗ-3 уже погружен на платформу и ждет отправки, которая состоится завтра во столько-то часов и столько же минут. Оба улеглись спать – один захрапел, другому пришлось слушать. Потом слушающий спал, а переставший храпеть все поглядывал на часы и курил свои папиросы одну за одной. Путешествие в одной кабине трактора двоим не самое удобное предприятие, но в таком приподнятом настроении все нипочем. Они даже забыли напрочь о войне, а предвкушали уже удовольствие от оказания им почестей, как героям, по случаю оправдания самых высоких надежд в связи с этим трактором. Vorfreude², очень точное немецкое слово, которым можно описать их состояние.

По прибытии на станцию Палласовка, откуда до их родного Штрассбурга было рукой подать, всего 22 км. С некоторыми трудностями, связанными с разгрузкой трактора, Эмиль успешно справился – и путь в родной колхоз продолжился своим ходом, благо, что перед

¹ Домой.

² Радость заранее, от предвкушения...

погрузкой на платформу он сумел заправить трактору полный бак, благодаря его щедрости в последний вечер в кругу нужных собутыльников.

Вот и родной Штрассбург. Но как-то странно пусто и безлюдно среди бела дня. Все словно вымерло, если не принимать во внимание свиней, коров и других животных, которые слонялись по улицам, хрюкая, мыча, блея и даже временами кукарекая...

Эмиль заглушил трактор перед своим домом, стоявшим с распростертыми настежь воротами, которые изредка хлопали на ветру, как пушечные выстрелы, отчего не только Роберт, но и Эмиль, невольно вздрагивали. Входная дверь дома тоже была отворена и поскрипывала на ветру. Сердце сжалось и подобралось сначала к горлу, а потом, когда они вошли в дом, упало в пятки. Никого! Ни одной живой души, у соседей тоже! Ни одной на всю деревню. Не у кого спросить, почему да что, что предпринять, где кого искать! Эмиль не хотел верить в худшее, но факты – вещь упрямая. На все лицо эти факты, по всей морде этого лица.

Житейский опыт подсказал ему, что надо собираться в дальнюю дорогу, а такие приготовления начинаются с заготовки продуктов. Он послал Роберта в огород накопать картошки, сам из ларя достал муки и, замесив тесто, настряпал лепешек. На выпечку хлеба, как он справедливо предполагал, у них нет времени, да и не умел этого делать Эмиль при такой жене, которая так умело вела хозяйство. Как остро он ощутил сразу ее отсутствие, утрату. Кроме картошки сварили также и двух куриц, которых удалось поймать. Двери всех сараев хозяева отворили перед отъездом, чтобы не обрекать животных на бессмысленную голодную смерть – на воле был хоть какой-то шанс на выживание.

Эмиль осмотрел кладовую и погреб – запасы семья взяла с собой, но многое оставалось, хватило и для них. Не так много смогли взять с собой; очевидно, покинуть родной дом пришлось поспешно.

Эмиль вдруг пожалел, что сейчас не сезон для убоя свиней, который обычно наступал с первыми морозами, чтобы можно было дольше хранить мясо и сало... Такие и прочие ненужные мысли отвлекали его от действительности. Он собрался уже было ехать в Гмелинку на своем «стальном коне». До нее было несколько дальше, чем до Палласовки, но зато там была бесчисленная родня, которую он надеялся застать на месте, хотя интуиция и подсказывала обратное. Но лучше поехать и убедиться, чем пребывать в неизвестности. Об указе от 28 августа он ничего, разумеется, не слышал, – о том знаменитом сталинском указе, который положил конец существованию Республики немцев Поволжья. Родная партия не считала нужным доводить до каждого свои решения.

Он уже завел пускач двигателя, но снова заглушил, увидев облако пыли от приближающейся машины...

– Садитесь в машину, – вместо ответов на многочисленные вопросы скомандовал молодой лейтенант и даже не удосужился объяснить, что ему ничего неизвестно.

«Наверно, будем догонять своих», – подумал Эмиль и, прихватив приготовленный мешок с припасами, вслед за Робертом взобрался в кузов. Там уже находилось несколько товарищей по несчастью. Военные осмотрели дома и убедились, что больше никого нет. Машина тронулась дальше. Конвой заезжал в каждую деревню и забирал всех немногочисленных незадачливых жителей, которых по каким-либо причинам не отправили накануне вместе со всей массой народа на железнодорожную станцию. Но теперь конечная цель маршрута была иной – к Еруслану, где их загрузили в большую лодку и доставили к Волге, к еще большей барже. Это была старая-престарая ржавая баржа с какими-то облезлыми цифрами на борту вместо названия. Она стояла у берега с приветливо открытым трюмом, куда и сопроводили весь живой груз. На дне ее уже томились довольно много людей. Сотни полторы-две будет, прикинул Эмиль. Информационный голод угнетал его больше, чем эти нечеловеческие условия, в которых он очутился. И еще больше душевного волнения добавлял тот факт, что на долю его маленького

сынишки выпали такие испытания. Во всем он винил себя одного, словно если бы не эта злополучная командировка, никакой депортации и не состоялось бы.

Депортация

Самые высокопоставленные руководители родной партии Молотов и Берия приехали в Саратов. Созвали секретное совещание, где были даны конкретные указания местным органам, в которых прослеживалась одна четкая тенденция – найти шпионов, диверсантов, группы лиц, организации, занимающиеся подрывной деятельностью. Задача была не из легких, поскольку в республике ровным счетом ничего подобного не наблюдалось. Люди трудились на уборке урожая, который в этом году, после четырех малоурожайных лет, был особенно хорош. Собирали по 13–15 центнеров зерновых с гектара, почти рекордный показатель того времени. Жители, получающие зерно за трудодни, уже подумывали о том, сколько можно будет его продать, чтобы обустроить своих детей, сколько оставить на зиму и для посева.

В деревни возвращался достаток, отнятый раскулачиванием, экспроприацией и прочими мероприятиями властей. В сараях хрюкали свиньи, мычали коровы, копошились куры... Уважение коренных жителей немцы завоевывали трудолюбием, практичностью и порядочностью.

Эмиль и его жена Анна-Мария были неразлучны почти четверть века, вместе пережили трудные, голодные 1921 и 1922 годы. Испытания были далеко позади и крепла вполне обоснованная надежда на то, что такое больше не повторится.

Она так не хотела отпускать мужа в эту командировку, так не хотела! Анна-Мария, в девичестве Циглер, вышла замуж за своего Эмиля довольно поздно – в 21 год. Эмилю же на момент свадьбы, если можно так назвать мероприятие по случаю их бракосочетания, едва исполнилось 18 лет. Их любовь состоялась до свадьбы, а когда обнаружились нежелательные последствия, Эмиль, как честный парень, женился на своей возлюбленной, которая по-настоящему любимой женой стала только после свадьбы. Семья ее – одна из беднейших, с трудом сводила концы с концами, нередко жили впроголодь. Братишки и сестренки ее умирали, как мухи, в младенчестве и детстве. Родители безалаберно продолжали «плодиться и размножаться» и по воле providения оставшаяся в живых Анна-Мария, конечно, хотела покинуть отчий кров как можно скорее, но в девках, несмотря на это желание, все-таки засиделась. Вот и решилась соблазнить Эмиля, безусого, но статного юношу, семья которого, в отличие от ее собственной, была зажиточной, крепкой. Позже установившаяся диктатура пролетариата, советская власть раскулачила их, но это было потом. Начало для зажиточной жизни молодой семьи создали родители Эмиля, подарив молодоженам телку, поросенка, наседку с цыплятами, а самое главное, помогли со строительством домика. Несмотря на то, что отец был весьма недоволен выбором сына и весьма категоричен: мол, если вы уж «сами с усами», то и живите как знаете, ничего не получите. Но это сильно не огорчило вновь образовавшуюся семью, да и отец Эмиля, Эрих, смягчился. Склонила его к этому его супруга Мари-Катрин, миролюбивая, мягкая и добродушная, неутомимая, никогда не покладаящая рук, умудренная жизненным опытом, а ко времени войны пожилая и овдовевшая.

Начало было положено, и продолжение последовало незамедлительно. Практичный и работающий Эмиль преумножал свое хозяйство, работал с особым энтузиазмом на благо семьи, и результаты не заставили себя долго ждать. Супруга его, будучи непрактичной и мало чему наученной своими родителями, приобретала навыки в процессе жизни, не стесняясь спрашивать совета у свекрови, Мари-Катрин. Та делилась своими знаниями и умениями охотно, приняв сноху как родную, несмотря на факт состоявшейся любви до свадьбы и недостатки сватов, новых родственников. А в случае разногласий и немногочисленных конфликтов в молодой семье незамедлительно принимала сторону снохи.

Первый плод любви не заставил себя долго ждать. Мальчика назвали в честь его отца – Эмилем. Это был хилый, болезненный ребенок, а его родители – неопытными. Отчасти он был

слабым еще и потому, что у Анны-Марии пропало молоко, и мальчика уже со второго месяца жизни вскармливали коровьим молоком. Голодные 1921–1922 годы он не пережил.

В семье к тому времени уже был второй сын, Карл. Этаким маленький бутуз, крепыш, в отличие от первенца, благодаря материнскому молоку, которое не кончилось, несмотря на все катаклизмы, вопреки обоснованным опасениям, порожденным прошлым горьким опытом.

Совсем некстати, во время голода, родился Лео и, не дотянув до года, умер.

Продразверстка, проведенная во всех деревнях, прошла как опустошительный ураган. И это в год жесточайшей засухи, породившей жесточайший неурожай. Собранное с горем пополам едва ли превосходило по количеству посеянное и посаженное, закопанное в землю.

Продразверстка большевиков опустошила закрома и амбары, обрекая на голодную смерть их хозяев. Кто сумел что-то припрятать – тот и выжил. Без потерь не обошлось, пожалуй, ни в одной семье. Но дальше жизнь понемногу налаживалась, благодаря неумолимому труду, вопреки всем бездумным, глупым мероприятиям власти по коллективизации, раскулачиванию и тому подобному.

Декабристы в свое время затеяли бузу с лозунгом «Чтобы не было бедных». Большевики же имели лозунгов видимо-невидимо. Некоторые из их активистов вообще разговаривали исключительно одними лозунгами, смысл которых можно обозначить так: «чтобы не было богатых».

Анна-Мария была малопрактичной женщиной, но *nach und nach*³ научилась многому. Эмиль добывал корма для живности, саму живность, разводил ее и, несмотря на палки в колеса со стороны властей, все шло нормально и более того. Он кормил, ухаживал, строил-пристраивал-перестраивал; она доила, выращивала, собирала, варила, жарила и парила. Подраставшие дети были им подмогой.

Первую дочь свою Эмиль хотел назвать именем жены, но та настояла, чтобы в честь свекрови, Мари-Катрин; следующая – Амалия, в честь матери Анны-Марии; затем Сильвия, за ней на свет явился мальчик, Роберт, который был тоже хилым и болезненным, и все говорило о том, что он не дотянет до первого дня рождения, до третьего, пятого, седьмого... Но он дотянул, и отец занимался с ним отдельно закаливанием – купанием в холодной воде. Процедуры принесли свои плоды – в свои двенадцать это был отменный пловец, хотя и отставший от сверстников в росте – как будто все еще мальчик, даже не подросток.

Затем у Роберта появились две сестрички – подвижные, живые погодки-девочки, которых можно было принять за двойняшек, – Эмма и Нелли. После них случился выкидыш, и с тем «родилка» сломалась. Но если факт выкидыша и огорчил семейную пару, то факт поломки не огорчил никого, скорее наоборот.

К моменту начала войны сын Карл в свои 22 года служил в армии, однако прежде успел жениться. Сноха Ирма, жена и ровесница Карла, жила вместе с ними. На руках у нее был сын, первый внук Эмиля, Эдуард.

Дочь Мари-Катрин, которой было 19, тоже была замужем и с мужем Андреем Фукс, немного постарше ее, 27 лет, жила отдельно, в Гмелинке, в 25 верстах от родительского Штрассбурга. Она была *hochschwanger*⁴ и рожать приехала к маме. Муж ее Андрей был занят в колхозе, работал днем и ночью, а одна она дома оставаться боялась.

У Амалии в ее 17 в голове была только учеба. Она была отличницей в школе и поступила в Саратовский университет на педагогический факультет. Готовилась отбыть на учебу. Но война по этим планам и надеждам сделала жирный прочерк.

Сильвии было 15, и это была уже сформировавшаяся, не по годам серьезная девица, красивая, с большими небесно-синего цвета глазами. У нее был жених, Александр Нахтигаль,

³ Мало-помалу (нем., здесь и далее прим. автора).

⁴ На сносях.

совсем юный парень, ее одноклассник, такой робкий и застенчивый. Оба любили друг друга без памяти, со школьной скамьи, с присущим юношеским максимализмом, раз и навсегда, до гроба.

Роберт на момент депортации прожил почти тринадцать лет, вопреки всем прогнозам. Он отсутствовал вместе с отцом.

Две почти близняшки Эмма и Нелли, 11 и 10 лет, соответственно, мамины помощницы во всем, смешливые, жизнерадостные и конопатые, оказались в поезде вместе со всеми.

28 августа вышел знаменитый указ, и исполнители его не заставили себя долго ждать. Органы НКВД еще до опубликования указа наводнили республику своими людьми, на всякий случай. Согласно документу, каждой семье было разрешено взять с собой до тонны груза. Всю животину пришлось оставить. Да и из-за головотяпства и разгильдяйства, неорганизованности выселения, «острой необходимости» провести всю операцию по депортации в кратчайшие сроки, с собой взяли лишь то, что могли унести. Что могли унести в основном мужчины, так как у женщин были дети на руках. А на немногочисленных подводах, подаваемых для доставки на станцию, место едва ли можно было найти больным и беременным. С трудом удалось усадить беременную сноху Ирму, которая передвигалась уже с большим трудом – марш бросок в 25 верст ей, конечно, был не по силам. Исполнители железной воли говорили жертвам этой воли, что, мол, ненадолго, через два-три месяца вернетесь, нет нужды брать с собой много вещей, еды и т. п. В это хотелось верить, да и много ли можно было унести на себе?..

На станции Гмелинка всех сажали по товарным вагонам, в «телячьи теплушки», совершенно не подготовленные для длительного путешествия, которым оказалось это предприятие. Не подготовленные совершенно даже для короткого. Начальник всего этого безобразия набивал вагоны до отказа, давал распоряжение выдать «фрицам», или «фашистам», в зависимости от его настроения, пару горбылей и несколько гвоздей, из которых делали трехъярусные нары – на них пришлось ютиться этим несчастным в ближайший месяц и более. Кормить-поить не предусматривалось, равно как и мыться. Гигиена депортированных не заботила депортировавшихся. Справлять свои человеческие нужды – просто в углу вагона сделали дыру в полу. Во время езды – еще функционировало более-менее, но состав простаивал сутками на всевозможных станциях и полустанках. Было тепло, и вонь стояла нестерпимая. Медицинская помощь – Fremdwort⁵. И в этих условиях случилось родить Мари-Катрин. Роды приняли как могли. Ребенок прожил недолго, не дотянул и до недели. Его похоронили во время одной из таких стоянок прямо в железнодорожной насыпи. Сама роженица повредила рассудком. Заворачивала в тряпочку какую-нибудь деревяшку или что другое, что попадется под руку, укачивала, убаюкивала и кормила грудью, напевая колыбельные песенки. А то порывалась вон из вагона, благо на время передвижения его снаружи запирали энкавэдэшники, рвалась из удерживающих ее рук, плача и причитая, что ее малютка брошена совсем одна, ей темно и холодно, что даже окрестить не успели.

Еду готовили на импровизированных печах, пока было из чего готовить. Распределяли обязанности следующим образом: одни ходили воровать уголь, другие продавать вещи, выменивать их на продукты, третьи приготовлением пищи, четвертые уборкой и т. д.

В таких антисанитарных условиях молниеносно развелись вши и буквально загрызали. Анна-Мария пообрезала косы всем своим девочкам. Как она не хотела отпускать своего мужа в ту роковую командировку, как его сейчас не хватало, такого практичного и всемогущего, все умеющего. Где они с Робертом, да что с ними теперь?

⁵ Дословно: чужое (иностранное слово), зд.: об этом не может быть и речи.

На борту

А их мы оставили в трюме баржи, на дне которой было немного земли, – следы последнего груза, очевидно. Собирая по кусочкам, по обрывкам информацию обо всем происходящем, Эмиль составил для себя довольно отчетливую картину: всех немцев, всех жителей Республики немцев Поволжья во время его отсутствия загрузили в товарные вагоны и отправили куда-то на восток. А их, всех отставших, очевидно, собирают на эту баржу, но не с целью догнать остальных. Вероятно, доставят неизвестно куда, потом попробуй найди в этой военной кутерье своих, тем более под конвоем. Вряд ли этот конвой так быстро снимут, даже после достижения пункта назначения.

Волга несет свои воды на юг и впадает в Каспий. «А потом нас куда?» – задавал себе вопрос Эмиль и не находил ответа. Его не находил никто из пассажиров. На тот момент его не нашли бы и конвоиры, если бы им захотелось. Но им не хотелось.

Наступила ночь. Они с Робертом устроились на дне баржи, как могли, и забылись тяжелым сном.

Утро наступило быстро. Баржа все стояла, люди все прибывали, и понемногу она наполнилась до отказа. Несчастных не выводили на улицу, и свои естественные нужды им приходилось справлять прямо на месте, благо на дне была земля. Кормить-поить людей было не предусмотрено. На второй день все-таки дали воды, видимо, зачерпнули прямо из Волги. И хотя трюм был прикрыт лишь наполовину, свежего воздуха поступало все же мало, и постепенно баржа наполнилась зловонным запахом. Под прикрытием ночи была предпринята попытка сбежать, но баржу охраняли энкавэдэшники и стреляли без предупреждения, о чем и было объявлено заранее. Бедняги заплатились жизнью.

Наконец, на третий день подогнали буксир, и баржа тронулась вниз по течению Волги, плавно покачиваясь на ходу. Теперь на ночь трюм наглухо закрывали, и дышать становилось совсем невозможно. Пленники умоляли своих мучителей не делать этого, но у тех был один ответ: «Приказ!»

Публика была самая обычная, женщины, мужчины, старики, дети. Самые слабые, самые уязвимые, старики и дети, заболели. Вскоре появились и покойники, до которых наверху никому не было дела. Их просто складывали тут же.

Баржа имела отрывающееся дно и, видимо, не плотно прикрывающееся. Медленно, но неотвратимо земля намокала и сначала превратилась в грязь, а потом в холодную жижу, которая местами доходила до колен. Уже не могло быть и речи о том, чтобы найти сухое место. Это была настоящая средневековая пытка. В довершение ко всем бедам у буксира заклинил мотор, и они простояли, не двигаясь с места, еще целый долгий день. Изначально предполагалось доставить баржу, как и несколько других, в устье Волги, где их ждал нефтеналивной танкер, на котором намечено пересечь Каспий и доставить живой товар (а весь неживой – за борт).

Но эта досадная поломка буксира и стала судьбоносной. Баржа стояла вплотную к правому обрывистому берегу Волги. Совсем рядом, на берегу возвышалась огромная скирда соломы в тюках. Командир конвоя смиростивился и разрешил нескольким людям из числа «врагов народа», разумеется под конвоем, притащить тюки соломы, чтобы покидать их вниз, в трюм. В числе заготовщиков соломы были и Эмиль с Робертом. Во время их пребывания «наверху» подъехала машина, из которой вышел офицер и спросил у конвоира: «Где командир?» Тот не заставил себя долго ждать и, приложив ладонь к фуражке, то есть «отдав честь» (выражение-то какое подходящее!), доложил: «Командир конвоя лейтенант Нечипуренко». Ему был вручен большой пакет. С этой же машиной прибыли и запчасти для буксира. При помощи арестантов были разгружены коробки с запчастями. Удаляющуюся в облаке пыли машину проводили взглядом.

Коробки были тяжелые, и одну Эмиль со своим напарником вырвали из рук, на что незамедлительно отреагировал лейтенант Нечипуренко: «Вы что это, фашистские ублюдки, социалистическую собственность портить надумали! Вот я вам...» И с этими словами обоим досталось по зуботычине. Роберт хотел было броситься на обидчика отца, но путь ему преградила винтовка сержанта. На этом заготовку соломы быстренько свернули и всех вернули обратно в трюм.

Простояв целый день, день барахтанья в этой холодной жиже, баржу потащили дальше вниз по реке. Невольники выбирали делегата и отправляли наверх к конвою для переговоров. Он говорил от имени всех и просил о самом наболевшем, а именно о захоронении покойников, о медицинской помощи, о воде. Переговорщиком стал пожилой мужчина, которого после долгих прений все же приняли наверху, в буквальном и переносном смысле. Этот человек имел неосторожность, когда речь зашла о первом пункте, произнести слово «требуем», на что начальник конвоя, лейтенант Нечипуренко, рассмеялся во всю широту своей обаятельной улыбки. Его подчиненные дружно подхватили, и какое-то время продолжалось общее веселье:

– Надо бы этому фрицу немного остудить пыл, бросьте-ка его за борт.

– Так-ить сбежит, берег-то недалече, – засомневался сержант с редкой и смешной фамилией Радкааша.

– А ты его привяжи, кретин.

Все было выполнено согласно приказу, и бедный посланник остужал свой пыл на веревке за бортом. Сначала за ним присматривали, а потом забыли, а когда вспомнили, обратно подняли покойника. За борт его бросать не стали, а скинули в трюм, «для назидания» остальным.

Пройдя какое-то расстояние, баржа снова остановилась. Конвой получил известие, что танкер отчалил. Бросили якорь и стали ждать особого распоряжения. Начался седьмой день в холодной жиже; покойников поприбавилось значительно – они сослужили свою последнюю службу живым – стали более-менее сухими островками, на которые можно было присесть. Заготовленных тюков соломы на всех не хватало.

Когда стали опускаться сумерки, на быстроходном катере доставили распоряжение. Командиру конвоя вручили конверт внушительных размеров, на котором было написано: «Совершенно секретно, лейтенанту А. С. Нечипуренко, вскрыть «на достаточной глубине» в водах Каспия». Катер тотчас отбыл обратно, а они тронулись в путь.

В разговорах с другими собратьями по несчастью Эмиль сумел сопоставить факты и оценить происходящее. От напрашивающегося вывода у него сжалось сердце, но он не подавал виду, чтобы не пугать сына. В последнюю ночь жизни Эмилю приснилось, как хлопали оставленные неприкрытыми ворота на ветру, будто пушечные выстрелы, от которых он вздрагивал во сне. Проснувшись от очередного выстрела, он отчетливо понял, что конец неминуем и он уже не за горами. Очередной седьмой день они провели по колено в холодной жиже.

Снова опустилась ночь, и в крохотное отверстие в крыше показалась звездочка. Интуиция подсказала ему, что пора что-то предпринимать.

– Роберт, сынок, – обратился он к сыну, – ты уже вырос, совсем взрослый. Через пару недель тебе уже будет 14. Слушай меня внимательно, постарайся запомнить этот разговор на всю твою оставшуюся жизнь, которая будет долгой и счастливой, я надеюсь. Тебе надо бежать отсюда, ты сможешь. Видишь, вот в этом месте крыша (он показал рукой на видневшуюся звездочку в крыше трюма) не совсем плотно закрыта. В эту маленькую щель ты сможешь пролезть, ты парень шустрый...

Эмиль впервые был рад этому обстоятельству. Роберт пытался возражать, но отец остановил его:

– Не время для дискуссий, сынок. Хорошенько запомни свои корни, своих родных, всех поименно, мать, братьев, сестер, бабушек и дедушек, даже теток и дядек. Война эта закончится когда-нибудь, а ты разыщи их. Мы не сегодня-завтра приедем в конечный наш пункт, а ты дол-

жен бежать отсюда сегодня же, сейчас же. Как выберешься через эту щель, спрыгнешь с баржи, тебя скорее всего заметят. Вон какой у них мощный прожектор, и если их не перехитрить, они просто пристрелят тебя, когда ты вынырнешь из воды. Ты же, как прыгнешь в воду, пронырни под баржей на другую сторону. Ты у меня пловец отменный и ныряльщик что надо! Так вот, пронырнешь под баржей – и на восточный берег Волги. Вода в ней уже холодная, но мы с тобой еще пару дней назад купались. Так до берега большей частью под водой и старайся добраться. Как выберешься из воды, иди вверх по течению реки. Мы недавно проходили под железнодорожным мостом, я слышал звук поезда. Доберешься до станции, садись в товарный вагон и поезжай в сторону где восходит солнце. На запад ни в коем случае, оттуда идет война. Сейчас сентябрь, время уборки урожая, на полях и в огородах ты найдешь себе пропитание. Плохо, что ты почти не говоришь по-русски. Так притворись глухонемым, ни с кем не разговаривай, иначе сразу вычислят, что ты немец. На немцев вся страна озлоблена из-за этого Гитлера, чтоб ему пусто было... Главное помни своих родных имена, даты... До наступления зимы, я надеюсь, ты сможешь их найти.

Все это время Роберт слушал его с нескрываемым волнением, то и дело прерывая вопросами: а как, а почему, но Эмиль сказал все, что надо было сказать, и добавил:

– А теперь пора!

– Как, уже?!

Роберт не хотел расставаться с отцом, понимал, что навсегда, и все-таки не верил.

Напоследок отец крепко обнял сына. А затем попросил о помощи товарища по несчастью, который встал на плечи Эмиля. Роберт забрался на них, чтобы достичь заветной щели. В нее он до половины просунул голову. В нос ударил пьянящий свежий воздух, а глаза ослепил прожектор, так что он ничего не видел. Роберт быстро втянул голову обратно и услышал внизу подбадривающий, приглушенный голос отца:

– Действуй сынок, пора...

Это были последние слова, которые он слышал от отца и запомнил их на всю оставшуюся жизнь. Он снова высунул голову наружу наполовину. Глаза немного попривыкли к яркому свету, увидел, откуда он исходит, и более-менее сориентировался. Щель была действительно очень узкая, но Роберт знал, коли уж пролезла голова, то все остальное пролезет тоже. Он начал поспешно протискиваться между кусками листового железа, которое больно оцарапало ему спину. Когда он оказался снаружи, то услышал окрик «Стоять!» и одновременно звук передегивания затвора винтовки. Он быстро спрыгнул в воду и звук выстрела не услышал, но его услышал Эмиль, который по суете наверху понял, что пуля не достигла цели. Роберта обожгло холодной водой, и он, как учил отец, нырнул под баржу. Она оказалась таких внушительных размеров, что ему едва хватило запаса воздуха, чтобы вынырнуть на другой стороне. Роберт снова набрал побольше воздуха в легкие и нырнул, гребя что есть силы под водой по направлению от баржи и от смерти. Так выныривал и снова нырял, пока баржа не удалилась от него достаточно далеко.

С буксира светили на воду прожектором на случай, если беглец покажется на поверхности, и держали винтовки наготове. Так они тщетно искали с одной стороны, потом посветили на всякий случай по другую сторону...

*Он быстро прыгнул в воду и звука выстрелов не услышал
Художник Иван Гуцул*

Роберт уже порядочно отстал от баржи и при приближении луча света нырял поглубже. Охранники вернулись на буксир, предварительно тщательно заделав дыру.

– Наверно, утоп, – доложил сержант Радкаша лейтенанту Нечипуренко, начальнику конвоя.

– Что значит «наверно», мать вашу?..

– Так точно, утоп, ни разу так и не вынырнул, наверно, я его зацепил.

– Опять «наверно», как докладаешь, сукин сын...

– Так точно, подстрелил...

На этом дебаты были закончены и досадный инцидент исчерпан, но не так чтоб совсем без последствий.

Безымянный разъезд

До берега оказалось дальше, чем предполагал Роберт. Вон он виднеется темной громадой, но все время удаляется. Роберт замерз, но отчаянно греб к берегу. «Лишь бы судорги не схватили...» – подумал он, работая руками и ногами. Остатки одежды тянули его на дно. Башмаки он уже скинул и продолжал неистово бороться за жизнь. Проплывающая мимо коряга, за которую он ухватился, как за спасительную соломинку, дала ему кое-какую передышку, но к берегу не приблизила. Остаться при ней означало вконец замерзнуть, и он отважно отцепился и продолжил неистово работать ногами и руками, стремясь к берегу, который приближался чересчур медленно. Наконец, ноги его почувствовали дно, и он выбрался на берег и лег на песок, чтобы отдышаться. Но долго отдыхать не пришлось. На него напал такой озноб, что, как говорится, зуб на зуб не попадал. Он поднялся и сначала побрел, потом побежал и бежал до тех пор, пока не выбился из сил, но немного согрелся. Трясучка совсем не прошла, его то и дело пробивал озноб, но уже не так ломало кости. Его силы были на исходе, так хотелось спать, но холод гнал дальше. Начало сереть. Спустя целую вечность показалось ласковое солнышко. Одежда на мальчишке немного подсохла.

Он увидел вдали скирду и направился к ней. Устроился поудобней в соломе и мгновенно уснул. Проснулся, когда солнце клонилось к закату.

Во рту Роберта пересохло, и он с трудом мог оторвать язык от неба. Губы обветрились, потрескались и стали какими-то неуправляемыми. Если бы ему пришлось разговаривать, вряд ли он смог бы выдать что-нибудь членораздельное. Как и велел ему отец, он двигался вверх по течению Волги, стараясь не удаляться от ее русла.

Он спустился к реке и утолил жажду прямо из реки. Вода пахла рыбой, но свое дело сделала. Теперь Роберт почувствовал голод. Пока еще не стемнело, он огляделся и увидел вдали не то хутор, не то деревушку, а затем осторожно направился туда. Он опасался встречи с людьми, помня наказ отца не разговаривать, чтобы не выдать себя своим ломаным русским. Еще больше он опасался встречи с собаками.

Между тем совсем стемнело. Роберт забрался в огород, разжился парой помидоров. На улице стояла печка, от которой исходило приятное тепло. На скамейке рядом лежал коробок спичек. Роберт обрадовался находке и сунул ее в карман штанов. Выдернул куст картошки и собрал с него картофелины, спрятав их за пазуху. Где-то по соседству, учуяв его своим чутким нюхом, залаяли собаки. Он поспешно удалился от хутора на пару километров.

Нашел укромную ложбину, где и развел костерок из собранного сухого валежника. От тепла огня и в предвкушении сытного ужина жить стало веселее. Основательно подкрепившись, сунув в карманы оставшиеся печеные картофелины, мальчик Роберт двинулся дальше. Он решил, что ночами будет идти по заданному отцом маршруту, вверх по течению Волги, до тех пор пока не упрется в упомянутую железную дорогу. А днями будет отдыхать в каком-нибудь стогу сена или брошенном сарае. Благо ночи стояли звездные и лунные и было достаточно светло, чтобы двигаться дальше, а днем можно было спать, не дрожа от холода.

Во вторую ночь Роберт приметил в одном огороде пугало и стянул с него длинное дырявое пальто, без одного рукава. Это стало служить ему и одеждой, и одеялом, и матрацем одновременно.

Ему попадались по пути притоки, которые заставляли его отворачивать от главного русла Волги. Но когда он понимал это, то пересекал вплавь их болотистые поймы, кишашие разными лягушками, змеями, пиявками и прочей живностью.

В одном из огородов он обнаружил удочку, висевшую под крышей сарая, снял с нее леску с крючком и с их помощью ловил рыбу. Порою получалось даже делать запас впрок.

Волга задавала Роберту маршрут, но из-за многочисленных рукавов и притоков он все-таки блуждал.

На пятую ночь своего путешествия Роберт наткнулся на вожделенную железную дорогу. Произошло это неожиданно, в самом начале ночи, хотя он был настроен вновь идти до наступления утра. Он опешил – надо было поворачивать на 90 градусов, а в какую сторону – он не знал. Решил дожидаться утра и по солнцу сориентироваться. Хотел было поспать остаток ночи, но сон не шел. Одолевали мысли о родных – что с отцом, где искать мать, сестер и братьев, вообще кого-нибудь из своих! Повстречать бы сейчас хотя бы одного знакомого, так хотелось поговорить, поделиться наболевшим! Роберт молчал все это время, после последнего разговора с отцом не проронил ни единого слова. Так незаметно для себя он входил в роль глухонемого.

Он отошел вглубь леса и в небольшом овражке развел огонь. Приготовил нехитрый ужин, состоящий из печеной картошки и рыбы. Соли он не раздобыл, приходилось все проглатывать несоленым, но он быстро привык к такому вкусу, да и когда голод не тетка, все очень вкусно...

По железной дороге один за другим шли поезда, с большими и малыми интервалами времени, все больше в одном направлении. Так во бдении он и провел ночь, пригревшись около костра. Сон сморил его к самому утру. А когда проснулся, солнце уже поднялось довольно высоко и ласково грело.

Место было пустынное. Роберт пошел по шпалам в сторону солнца, на восток. Когда он слышал звук приближающегося поезда, то переживал в придорожной лесопосадке. Шел он долго, пока не набрел на один затерянный в степи разъезд.

От реки он удалился уже на значительное расстояние, запаса воды с собой не было, и ему очень хотелось пить. На разъезде строений было всего два – небольшой домик стрелочника с пристроенными к нему сзади сарайчиками, из которых мычало и хрюкало, и поодаль отслуживший свой век семафор. Железнодорожных путей тоже было два, и там, где от главного пути отделялся запасной, была стрелка, и где снова возвращался – еще одна. Неподалеку от домика стояла колонка – ручная помпа для извлечения воды из недр земли. Роберт подошел к ней, пару раз качнул – и побежала вода. Он наклонился и стал жадно пить. В это время к нему неслышно подошел обходчик – крепкий коренастый старик с пышными седыми усами:

– Откуда ты тут взялся, малец? – спросил он, удивленно и обрадованно.

Роберт опешил от неожиданности и издал в ответ нечленораздельный звук, что-то среднее между «у» и «ы».

– Ты что, глухонемой?

Роберт издал тот же звук, кивая головой и показывая в область рта.

– Понятно, – сказал старик, слегка раздосадованный тем, что малец не может быть полноценным собеседником. – Ну пойдем в дом...

Он положил ему руку на плечо и привел домой. Там хлопотала по хозяйству его жена. Увидев гостя в окно, она обрадовалась такому «нежданчику». Однако порасспросить Роберта что, да откуда особо не удалось и ей.

В печи горел огонь, на плите стояло цинковое ведро с водой. Хозяйка налила воды в таз и, несмотря на отчаянное и вместе с тем легкое сопротивление гостя, стянула с него все его жалкое тряпье, с которым он очень не хотел расставаться, и кинула все это в печь. Роберт проводил взглядом в последний путь свою одежду – тряпки сначала задымились, но тяга в печи была хороша, и дым весь уходил в трубу; потом все вспыхнуло разом и быстро сгорело. Он остался совсем нагишом. После водных процедур с хозяйственным мылом, которое жгло глаза, Роберт получил большое полотенце, в которое укутался и придвинулся поближе к печи.

– Да ты оказывается вон какой рыжий, – изумилась хозяйка, увидев Роберта в первозданном виде.

Она поставила на стол чугунок, настолько вкусно пахнувший, что у Роберта сводило челюсти. Ему пришла на ум немецкая поговорка: «Mir läuft das Wasser im Mund zusammen»⁶.

Наконец, она усадила Роберта на скамью за стол и налила ему огромную чашку щей, щедро сдобренных сметаной. Со щами он справился быстро. Было настолько вкусно, что вряд ли эту вкуснятину можно было перестать хотеть есть когда-нибудь. Но хозяйка сказала:

– Для начала пока хватит, а то еще чего доброго с голодухи-то живот заболит...

Ее супруг весело наблюдал за хлопотами и то и дело помогал советами, в которых в общем-то не было нужды.

– Устал, небось, сердешный. Ложись-ка поспи, а я тебе пока дедову одежду подберу.

Роберт улегся в кровать на пышную перину и мгновенно уснул. Проспал он до обеда следующего дня, а когда пробудился на табурете около кровати, обнаружил штаны и рубаху-косоворотку, а также и нижнее белье. Во все это он с удовольствием оделся и почувствовал себя более уверенней, независимей. Хозяйка умело перешила дедову одежду под его размер. Голым-то куда можно было податься, а теперь хоть на край света...

В доме никого не было. На столе лежал прикрытый полотенцем хлеб, на печи в чугунке стояло что-то соблазнительно пахнущее. Роберт не решился хозяйничать, даже не догадываясь, что все эти вкусности приготовлены для него.

Он вышел на улицу и увидел пожилую пару, занимающуюся своим нехитрым хозяйством.

– Ну что, выпался, малец, – увидел его старик, – я думал, что ты никогда не проснешься...

Роберт не понимал всех слов, но в смысл сказанного вникал и досадовал, что не мог выразить всех слов благодарности, которые роились в его душе и просились наружу. Ему очень не нравилось быть нечестным по отношению к этим сердечным пожилым людям, приютившим его, и не только приютившим. Несмотря на такое грозное время, их сердца были полны любовью, которая искала выхода; хотя они ее и дарили друг другу, но этого было мало. Они нуждались в общем объекте любви, и вот он появился и воплотился в этом заморыше, который и разговаривать-то не умел и от этого еще больше нуждался в их жалости, внимании и защите. Они благодарили небо за это и не могли надышаться на мальчика.

Он, в свою очередь, был так признателен за те чувства, которые эти старые добрые люди к нему проявили, что его маленькое сердце переполняла благодарность. И на душе было тяжело от обмана, ведь он совсем не немой, ему было стыдно, что он немец, в то время как вся страна воюет с немцами. Признаться им в своих грехах было сверх его сил, и не потому, что он боялся последствий, что его прогонят или сдадут властям, а потому, что не хотел их огорчать, разочаровывать.

После сытного обеда хозяйка спросила Роберта:

– А родители твои где?

В ответ он лишь пожал плечами, на сей раз искренне.

– А писать-то ты умеешь?

Он кивнул головой в знак согласия. Хозяйка достала листок бумаги и карандаш.

– Напиши твое имя, как нам тебя называть...

Он мысленно поблагодарил небо, что в школе их худо-бедно научили если не русскому языку, то хотя бы русскому алфавиту. Взял в руки карандаш и начал писать первую букву своего имени, старательно по привычке выводя ее латинским шрифтом. Но прежде чем приступить к последней части этой буквы, он вовремя вспомнил, что русская «Р» в отличие от немецкой «R», пишется без этой последней части, то есть хвостика. Во время написания второй буквы «о» его вдруг осенило, что Роберт – это не русское имя, и он остановился...

– Ро... ман, Рома, – подсказала хозяйка дома.

⁶ Слюнки потекли, на слюну пробил (поговорка).

В ответ Роберт с радостью закивал головой, с благодарностью за такой неожиданный выход из затруднительного положения.

– Ну вот и познакомились, Рома, – сказала она, не считая нужным называть свое имя и имя своего супруга, их ведь и так все здесь знают.

Так не могло долго продолжаться. Роберт каждый день откладывал свой побег на завтра, со своим юношеским максимализмом, с энергией, задором и совершенно неоправданной верой в себя и в то, что мир не такой уж и большой, тем более отдельно взятая страна, надеялся скоро найти своих сестер-братьев и мать, по которым скучал невероятно.

Überraschung⁷

Путь на восток продолжался. Колеса постукивали монотонно и размеренно, иногда сбиваясь с ритма на стрелках, но далее снова обретая его, продолжали монотонную музыку. Анна-Мария никак не могла взять себя в руки. Слезы ее буквально душили, не могла справиться с ними даже ради детей. Больше нечеловеческих условий угнетала неизвестность, отсутствие информации и невозможность ее добыть. Порой душила бессильная ярость, но все подминало под собой чувство безысходности.

Временами стали отказывать ноги, раньше никогда такого не бывало, а теперь хочет сделать шаг, а не получается, поднять ногу, чтобы поставить на ступеньку, – не слушается. Двигаться удавалось кое-как, да и то после основательной разминки-тренировки. В начале пути она еще присматривала за своими детьми, заботилась, чтобы они не отстали, умывала младших девчат, по возможности готовила еду, возилась со старшей дочерью Мари-Катрин, во время приступов ее болезни. Но потом как-то отстранилась от дел, отчасти из-за трудностей, связанных с передвижением на то и дело отказывающих ногах. И все хлопоты приняли ее дети, в том числе и уход за ней самой.

Степь нехотя, но все же отступала, и пейзажи становились веселее, местность – холмистее, появились кустарники и деревья, еще не леса, но уже и не степи – лесостепи.

В очередной раз остановились на длительную стоянку на узловой станции Кустанай, затерянной среди бесчисленных безымянных разъездов-полустанков в безграничной казахской степи, которая плавно переходила в леса.

Было довольно многолюдно. На соседних путях стояли еще два-три товарных состава. Кроме этого толкали туда-сюда какие-то бесконечно длинные или совсем короткие составы, в два-три вагона, сцепляли-расцепляли и вновь сцепляли, формируя и расформировывая поезда. Главный путь был свободен, и на нем практически беспрерывно горел зеленый свет в направлении запада, куда и проносились с оглушительным грохотом поезда, не снижая хода. Одни везли зачехленную военную технику. Под чехлами угадывались танки, пушки, тягачи, грузовики. В других были солдаты, молодые и не очень. То и дело из вагонов показывались озабоченные лица новобранцев. На фронт следовала очередная порция пушечного мяса.

Вдруг на Анну-Марию и ее семью, как снег на голову, свалился Карл, который должен был служить где-то в западноевропейской части страны, где уже бушевала война. Эта встреча не поддается никакой логике, да и чему вообще из событий последнего месяца можно было бы дать логическую основу? Так распорядился его величество случай! Это было такое из ряда вон выходящее событие, среди наслаивающихся одна на другую печальных новостей и катастроф, такая радостная, приведшая в восторг всю семью встреча! И не только семью, их радость разделили остальные обитатели вагона.

– Здравствуй, мама, – сказал он, подойдя потихоньку к подавленной и поглощенной горестными мыслями, сидящей на нарах женщине.

– Ах, – воскликнула та, потеряв дар речи на короткое время, – Карл, Carlchen⁸, сынок... она хотела подняться, но ноги и в этот раз ее не послушались.

– Как ты нас нашел?

Ирма, жена, увидев его, тоже потеряла было дар речи, и они как будто слились воедино, крепко обнявшись. Тут и маленький Эдуард, словно почувствовал родного отца, проснувшись, захныкал. Отец взял его на руки, и он снова уснул.

⁷ Сюрприз.

⁸ Карлуша.

– Случайно повстречал нашего соседа, который едет в вашем поезде. Спросил о вас, он меня сюда и направил.

Сестры гурьбой облепили его со всех сторон и засыпали вопросами. Вместо ответов он сам спросил об отце, видя, что его нет рядом, а потом и о Роберте.

– Да... жалко, в такое время – и вы остались совсем без мужчин, – посетовал он.

– Ну, мы не совсем без мужчин, у нас их аж два. С нами муж Мари-Катрин, Андрей.

Из глубины вагона подошел и поздоровался всегда угрюмый Андрей, слегка просветленный по случаю всеобщей радости.

– И постоянный воздыхатель нашей Сильвии, Александр, теперь официальный жених, – полушутя-полусерьез произнесла мать.

«Официальный жених» тоже подошел и протянул руку для приветствия.

– Да, ребята, вы совсем уже взрослые, – как бы одобрил и одновременно благословил их старший брат Карл, – постарайтесь дожить до лучших времен, а потом быть счастливыми, насколько это возможно. Во время войны будет трудно, но после нее непременно станьте счастливыми. Мы обязательно переживем это нелегкое время и воссоединимся. Эта война не будет длиться долго, главное – держитесь все вместе, что бы ни случилось...

Анна-Мария долго еще переживала эту встречу своим материнским сердцем:

– Ну и хорошо, что сняли с фронта, ну и пусть что в «рабочую колонну» (позже трудармия), там хоть не стреляют, в живых хотя бы останется, а работать ему не привыкать, работать он умеет...

Откуда могла знать бедная женщина, что эти трудармии не переживет более одной трети трудармейцев. Смертность в ГУЛАГе была ничуть не ниже, чем в гитлеровских концентрационных лагерях. Только в последних «гноили» своих врагов, а в СССР – своих граждан, свои народы... Почему, зачем?... На всякий случай.

Встреча была яркой и непродолжительной. Напоследок он попросил этих двух молодых мужчин беречь маму и сестер, выразил надежду, что их скоро догонят отец с Робертом. Его состав тронулся. В Карла вцепились буквально все: его жена, мать и сестры. Он с трудом вырвался из объятий и, догнав свой вагон, уцепившись за руки, подаваемые изнутри, впрыгнул в него и уехал в неизвестном еще ни ему, ни тем более его семье направлении.

Еще долго говорили об этой встрече, долго отходили от нее. Она непроизвольно дала импульс, как ему, так и всей его семье, заряд энергии, волю к жизни, положительные эмоции. Всем без исключения она запомнилась на всю оставшуюся жизнь – у кого-то длинную, а у многих короткую. Один лишь маленький его сын Эдуард ничего не запомнил. Он даже не понял, что это был его отец; он спал, а проснувшись от тисканья и шума, похныкал и тут же снова уснул.

Семья Карла двигалась дальше на восток, а он в противоположном направлении – на северо-запад, в Молотовскую область, что соответствует сегодня Пермской. Сняли с фронта всех «граждан немецкой национальности», дабы не случилось чего... Куда их девать и что с ними делать, наверху пока не решили – некоторые из «снятых» успели доехать вглубь страны, потом их разворачивали, когда наверху созревало решение, и посылали туда, куда этим «созревшим» взбрело в голову. Так, проведя пару месяцев на колесах, Карл со своими сотоварищами попал в город Соликамск. Всем очень не нравилась такая жизнь, многие рвались на фронт, бить фашистов, но наверху, в гениальных головах, созрели другие планы... Потом эту жизнь на колесах, ничегонеделание, многие верующие будут вспоминать как жизнь в раю, а атеисты как наступивший, но не оцененный ими в должной мере коммунизм.

Баржа смерти

Забрезжил рассвет. Наступил новый, последний день жизни невинных и несчастных узников баржи. И это подсказывал Эмилю здравый смысл, но он отказывался верить. «Почему, за что, ведь мы же не сделали ничего против власти, страны, как нелепо...» И чем больше он думал по этому поводу, тем больше приходил в отчаяние, тем отчетливее понимал неизбежность происходящего, неизбежность того, что должно вскорости случиться.

Во время революции такие баржи называли «баржами смерти». Ими, как тюрьмами, пользовались как белые, так и красные. Эти плавучие тюрьмы предназначались для классовых врагов. Арестанты заканчивали в них свою жизнь. Баржу вывозили на середину реки, подальше от берегов, закрывали наглухо и забывали о ее существовании. Люди в них просто погибали от голода, если раньше не задохнулись от зловония человеческих испражнений. Или эти баржи попросту отправляли на дно. Всякого, кто приближался, расстреливали на месте, даже если это были сердобольные крестьяне, которые хотели только подкормить узников. Известен лишь один случай со времен Великой Октябрьской и Кровавой, когда невольники такой баржи были спасены. Белые, узнав, что там содержится их любимый командир, ценой больших потерь отбили баржу у красных.

Что последний день не за горами, самый последний день, осознавали узники и этой плавучей тюрьмы. Это несколько часов уже хорошо знал лейтенант А. С. Нечипуренко, который получил пакет и строгий приказ вскрыть его только после выхода в Каспий «на достаточную глубину». Не дождавшись этой пресловутой «достаточной глубины», Нечипуренко вскрыл пакет еще в устье Волги. Ничего неожиданного он там не обнаружил, нисколько не удивился и не испугался задания. Открытый пакет он оставил, а сам отлучился. Вездесущий сержант Радкакаша, обнаружив его, разумеется, заглянул в него, как и прочитал о месте и времени вскрытия, а это было уже нарушение приказа. Он подумал сообщить при случае куда следует, как и о беглеце с борта. «Посмотрим, кто кретин, а кто сукин сын».

Невозмутимый Каспий встретил их довольно спокойной погодой. Вообще-то не о такой карьере мечтал Нечипуренко после военного училища. Ну ничего, он выполнит это задание, и ему дадут достойное назначение. Командовать, вершить судьбы он любил – и делал это совершенно не терзаясь совестью. Она у него была напрочь атрофирована, поэтому начальство, помня его былые заслуги, и доверило ему эту миссию. Сдавать, строчить доносы он начал еще в военном училище. Если при нем говорилось что-то достойное внимания чекистов, это становилось известно этим чекистам во всех подробностях и даже приукрашено. Так он, чтобы получить повышение по службе, настроил донос на своего начальника и получил его должность. Чтобы избавиться от соседа по коммунальной квартире, он написал другой анонимный донос, и несчастный получил 10 лет лагерей, а Нечипуренко – в свое распоряжение всю квартиру.

Теперь он сопровождал этих «фашистских выродков» – такие формулировки быстро вошли в моду, и ими обширно пользовались еще долгое время после войны. Было с ними еще полотноделения солдат срочной службы из НКВД, вот и весь конвой. Охранять было нетрудно, из баржи выбраться и совершить побег было практически невозможно.

Так они вышли в открытое море и, придя «на достаточную глубину», бросили якорь. Невозмутимый Каспий оставался равнодушным. Солнце медленно поднималось в зенит, но от воды веяло холодом. На все четыре стороны одинаковый пейзаж, если не считать едва видневшегося берега с одной стороны. Ни одной захудалой лодочки по всей глади моря-озера.

«Место и время, а также обстоятельства благоприятные», – подумал лейтенант и командовал открыть кингстоны на барже, в данном случае дно этой злополучной баржи. Воины сна-

чала опешили, но потом бросились выполнять приказ, так как лейтенант, повторив его, достал из кобуры свой наган.

Вода в трюме начала прибывать, холодная вода, очень холодная, и если кто-то был уже наполовину покойник, она его привела в чувство, перед тем как отобрать навсегда возможность чувствовать.

Вода прибывала сначала медленно, поднимая со дна все нечистоты, но потом, по мере погружения баржи в воду, все быстрее и быстрее. «Да...» – невесело подумал Эмиль Шмидт. – Это конец. Боже, если ты есть, прости, что мне все не до тебя было, помоги выжить моему сыну и семье, помоги им, раз уж мне помочь не хочешь. Аминь». Вода все прибывала, уже дошла до половины. Паника была невероятной, особенно поначалу. Все пассажиры хотя и подозревали о цели их прогулки, все же для каждого из них развязка наступила неожиданно. Те, кто не умел плавать или уже не мог, был не в состоянии, захлебнулись сразу. По мере редения узников паника поутихла, и в конце концов свелась к барахтанию в воде.

По мере наполнения трюма вода становилась чище. Эмилю пришлось попробовать ее на вкус, оказалась соленой. «Мы в море», – сделал он очередное невеселое открытие. «Хоть захлебнуться чистой водой, а не нечистотами», – промелькнула малоутешительная мысль.

Вода неумолимо прибывала, точнее сказать, опускалась крыша баржи. Вскоре вода и крыша встретились, дальше пошло всё быстро, и пучина поглотила баржу.

...далее пошло всё быстро и пучина поглотила баржу
Художник Иван Гуцул

Эмиль набрал последний раз полные легкие воздуха. Еще какое-то время сознание не покидало его. За эти самые последние несколько мгновений он увидел видения всей своей жизни на изнанке век. За пару секунд он прожил еще раз всю свою сознательную жизнь, все 45 лет, начиная с пятилетнего возраста; даже мелькнуло то, чего он не вспоминал ни разу при жизни – вплоть до расставания с женой, а затем с Робертом. Ему стало жалко их, потому что они будут сильно опечалены и расстроены, узнав о его смерти, ведь даже могилы у него не будет. Как переживут его дорогие женщины эту депортацию, с ними же не осталось ни одного мужчины – ни старшего сына Карла, ни его самого, ни Роберта. Время относительно. Может и

сто лет пролететь за миг, можно и за миг прожить целую жизнь... Приступ удушья заслонил собой видения, и в следующее мгновение сознание покинуло его...

На буксире солдатики печально смотрели на следы своего злодеяния, точнее – на полное отсутствие этих следов. Баржа ушла под воду, выпустив в виде огромных воздушных пузырей остатки воздуха из всех своих сусеков, и вместе с ней ушли под воду все приглушенные закрытой крышей баржи отчаянные вопли и тщетные мольбы о помощи. Ушли под воду жизни, чаяния и надежды, которые никогда не сбудутся. У поглощенных пучиной не родятся дети, которые не смогут никогда выращивать, поливать и окучивать для Страны Советов...

Буксир еще постоял около часа на якоре, как было письменно приказано, в ожидании, не всплывет ли что-то или кто-то, и удостоверившись, что сработано чисто, легли на обратный курс. Солдатики избегали не только разговоров, но и смотреть друг на друга. Могли ли они противодействовать, воспрепятствовать этому преступлению, если бы и хватило мужества этим совсем еще мальчишкам? Что они могли противопоставить мощной карательной машине, работающей на протяжении десятилетий, достаточно отлаженной карательной машине, сметающей на своем пути целые народы? Судьба этих пацанов оказалась ненамного завиднее – отделение расформировали и разослали по разным частям, предварительно взяв подписку с каждого о неразглашении, в которой особой нужды не было. Отправили в самые горячие точки, во избежание утечки информации, где они и оставили свои молодые жизни «во имя» да «на благо».

А лейтенант А. С. Нечипуренко выпил из горлышка бутылку водки залпом – и дело с концом.

Побег

Заканчивался сухой сентябрь, а октябрь грозился быть мокрым. Небо то и дело заволакивало черными тучами, которые набирали силу, чтобы пролиться дождем на землю, – уже и тренировки были, но они заканчивались, едва начавшись.

Роберт наслаждался уютной и сытой жизнью, старался быть полезным и без какой-либо указки или команды от старика управлялся в сараях, кормил животных, убирал за ними. Старика удивляла сноровка этого мальчугана, несмотря на юный возраст, – чувствовался богатый опыт.

Старик за глаза называл свою супругу молодухой, а когда обращался к ней, то всегда звучало – «мать». Она же его называла «дед», и когда была особо довольна им – «старый». Роберт много позже силился вспомнить хотя бы какие-то детали, чтобы отыскать их уютный дом, но тщетно, даже где этот разъезд находится – не определил.

Как-то после очередного сытного обеда, когда все дела были переделаны, они втроем сидели за столом и пили чай со вкусными-превкусными плюшками.

– Завтра приедет доктор, – объявил неожиданно дед, – мы ему тебя покажем. Нет, он, конечно, не специально для тебя приезжает, больше по нашей, стариковской надобности, но это хороший доктор, он обязательно поможет тебе, Рома. Сдается мне, тут какая-то маленькая поломка в твоём организме, ведь слышишь ты хорошо и разговаривать должен. Он эту поломку обнаружит и с Божьей помощью устранил, и тогда мы вместе попоем, хе-хе-хе...

Роберт обрадовался этому известию меньше, чем они ожидали. «Теперь они выведут меня на чистую воду», – подумал он и назначил на эту же ночь свой побег.

Он уже давно приметил, где находятся необходимые вещи, как то: дедова телогрейка, в которой он управлялся в сараях; старая большая пуховая шаль, поеденная молью, которая теперь служила для накрывания квашни; большой ржавый и тупой ножик, которым никто не пользовался; чеплашка из-под молока, маленькая и пузатая, около двух литров в объеме, похожая на бидон, жалко без крышки; спички, из восьми находящихся в наличии коробок он честно взял только половину; сало, картошка и хлеб. Как раз в этот вечер хозяйка испекла большую буханку хлеба, от которой совсем немного съели за ужином, и сварила большой чугунок картошки в мундирах и вместе с хлебом выставила в сени. В наличии в хозяйстве у этих людей было все такое же лучшего качества, и старики бы с радостью отдали это Роберту, и много сверх того, но он взял то, что взял, чтобы не обворовать своих благодетелей. Не мог же он ответить им черной неблагодарностью.

Ночью, когда хозяйка уснула, а дед по делам службы пошел, очевидно переводить свои стрелки, он выбрался наружу, собрал все необходимое. Пустой товарняк стоял на запасном пути и пропускал один за другим идущие на запад тяжело нагруженные составы. Роберт уже начал опасаться, что обнаружат его исчезновение раньше, чем ему удастся уехать, но вот, наконец, загорелся зеленый свет и его поезд тронулся.

Рано утром, проснувшись, хозяйка подоила корову, как водится. Дед проснулся позже, пошел управляться в сарай и оттуда услышал истошный крик своей молодухи. Залетев в дом, он увидел убитую горем жену с клочком бумаги в руках. Он взял листок, на нем было написано: «Спасибо, простите, надо». Старик сказал ей:

– Должно быть он с ночным товарняком уехал, тут только один ночью был. Я сообщу, и мы его найдем быстро и вернем. Ничего, не переживай, мы его вернем.

– Нет... – вскрикнула она, – видишь тут написано «надо». Он поехал к своим родителям, поехал искать их. Ведь он уехал совсем раздетый, и зима на носу, и с собой из провизии ничего не взял... Кабы не пропал, ведь малец совсем...

К обеду они выяснили, что он не совсем раздетый и не совсем без провизии, и немного успокоились.

На этом мы расстанемся с этими добрыми пожилыми людьми навсегда. Хочется надеяться, что в мире таких людей больше, чем тех, других, которые не лечат, а губят, которые ломают, а не создают, которые ненавидят, вместо того чтобы любить...

А Роберт, устроившись в открытом вагоне из-под угля, в котором было неуютно, грязно и холодно, ехал в направлении на восток. Весь состав состоял из таких же вагонов, и улучшить жилищные условия не представлялось возможным.

Утром, когда всходило солнце впереди по курсу следования, он радовался. Но поезд продвигался так медленно! Большей частью простаивал на станциях и разъездах. Двигались медленно, а продукты таяли быстро. Роберт стал опасаться, что они кончатся раньше, чем он найдет своих родных. На одной довольно крупной сортировочной станции, где его вагон прицепляли-отцепляли, толкали туда-сюда, ему нестерпимо захотелось пить, а запас воды к тому времени уже закончился. Мальчик осторожно выбрался наружу и пошел вдоль путей на некотором расстоянии, в надежде отыскать источник воды, какую-нибудь колонку, подобную такой, на которую он наткнулся на гостеприимном разъезде.

Но вместо этого он встретился на одном пустыре с небольшой группой пацанов. Встреча никак не входила в планы Роберта, и он хотел было избежать ее, но было поздно – они его заметили и стали преследовать, сначала быстрым шагом, потом бегом и, догнав, сбили с ног. Все вещи Роберта были при себе, все его богатства. Пацаны отобрали мешок, вытряхнув его содержимое. Видя, что поживиться особо нечем, забрали три коробки спичек, благо четвертая была в штанах – спичками ему не приходилось еще пользоваться. Компания пацанов вяло, больше «для профилактики», красуясь друг перед другом, нежели по злобе, снабдила Роберта парой тумаков. Большой ржавый нож Роберт засунул за пояс на спине и хотел уже было прибегнуть к его помощи, но пацаны оказались не столь прилежными со своими тумаками, и до этого дело не дошло. Он собрал снова все свои пожитки, но на этом инцидент не был исчерпан:

– Пойдешь с нами, – безапелляционно заявил один из подростков и видя, что их жертва ничего не говорит, а только издает нечленораздельные звуки, спросил: – Ты что – немой?

В ответ Роберт машинально кивнул головой, в надежде, что, видя, как мало толку с него, они его отпустят, но не тут-то было. Они окружили его со всех сторон плотным кольцом и повели куда-то вдоль железной дороги. Их издали приметил милиционер и подозвал к себе.

– Что, пацаны, опять хулиганите? – спросил он их.

– Да нет, вот мы бродяжку поймали, на товарняках катается...

– Кто таков? – обратился с вопросом к Роберту милиционер...

– Да он немой, – вместо него ответили они хором.

– А вот мы и выясним, какой он немой. Давай-ка пройдем в отделение для выяснения личности.

И он, указав мальчику направление и прибавив: «Не вздумай бежать, бесполезно», – сам пошел вслед за Робертом. Они вышли на перрон и двинулись в направлении вокзала. Рядом по путям медленно проезжал товарный вагон, часть короткого состава из таких же вагонов, но вдруг состав резко затормозил и остановился. Несколько человек как-то странно засуетились, забегали туда-сюда. К ним присоединился и провожатый Роберта. Подошли ближе, туда, где толпился народ, и ужаснулись: на путях лежал перерезанный надвое человек – в одной стороне ноги в сапогах, в другой остаток тела. Все суетились и кричали. На Роберта больше никто не обращал внимания, и он, оправившись от шока, сначала потихоньку, потом все ускоряя шаг, пошел прочь от места своего пленения.

Наткнувшись на колонку, он утолил жажду, запасася водой впрок и, благодаря трагедии другого человека, снова был свободен и продолжил свой путь на восток. Картина все еще

стояла перед глазами: ноги в сапогах отделенные от тела рельсом. Она отложились в памяти надолго, очень надолго.

На этот раз его товарняк состоял не из одних пустых вагонов из-под угля, здесь были и цистерны, а также и крытые вагоны. Во время езды Роберт, пройдя по крышам этих крытых вагонов, обнаружил один открытый люк, заглянул туда. Вагон был больше чем наполовину заполнен коробками, что означало, что можно и обратно выбраться. В вагоне он устроился поудобней, соорудив себе подобие ложа, оградив со всех сторон коробками. Здесь было уже намного чище и уютней, чем в угольном вагоне, да и сквозняки больше не беспокоили. Но и этот поезд продвигался чрезвычайно медленно, все время простаивая на разъездах, пропуская встречные тяжелые составы. Роберт, помня последнее злоключение, решил как можно меньше высовываться наружу, только в случае необходимости и на маленьких станциях.

Так, больше простаивая, чем продвигаясь вперед, он пропутешествовал еще несколько долгих дней. Ночами он спал, укутавшись в дырявую шаль и телогрейку. Продукты кончились, и он решил посмотреть, что же в коробках. Было темно, он оторвал кусок бумаги и поджег ее, чтобы осветить содержимое одной из коробок. Там оказалась шерстяная пряжа. Заглянул в другую коробку – то же самое, посветил вниз – такие же коробки стояли одна на одной до самого низу. Неожиданно пламя обожгло ему пальцы, и он выронил горящую бумагу, которая упала между коробок и достигнув почти самого дна, не погасла, а продолжала тлеть. От нее загорелась соседняя коробка. Роберт принялся было разбирать коробки, чтобы добраться до пламени и погасить, но они оказались тяжелыми, да к тому же их было так много, а пламя между тем все разгоралось. Он отчаянно пытался его потушить – сначала вылил остатки воды из своего бидончика, потом писал на пламя, но что там его моча и пара стаканов воды для такого огня, который охватил уже несколько коробок. Он стал задыхаться от дыма и поспешил к спасительному люку. Едва мальчик его открыл, как пламя, получив подпитку кислородом, вспыхнуло с новой силой, а поезд между тем шел полным ходом, что еще больше способствовало разгоранию пламени. Роберт добежал до другого вагона, спустился между двумя вагонами на сцепку. Пламя уже вырывалось из люка. Он понял, что надо прыгать, но было так страшно! Он стал на подножку и никак не мог решиться на прыжок в бездну, в которой ничего не видно. Но медлить было больше нельзя, и он прыгнул...

Когда Роберт очнулся, увидел две-три догорающих звезды на начинающем сереть небе. Все болело так, словно ему надавали тумаков десять таких компаний, как при последней встрече с людьми. Он пошевелил руками и ногами, вроде ничего не сломано. Лежа на спине, он возвращался в реальность, соображая, где он и что с ним. Угасающие звезды напомнили ему горящий вагон, отчего он окончательно пришел в себя. «Что теперь делать?» – молча спросил он себя. Ответ сразу нашелся – нужно как можно быстрее уйти от железной дороги, как можно дальше. Он встал и направился на север или на юг, ему было не важно, лишь бы прочь от железной дороги, раз уж не на восток, не все ли равно теперь куда. Степь была ровная, как блюдо, ни деревьев, ни ямки, ни даже кустиков, в которых можно было бы спрятаться. А между тем становилось все светлее, и Роберт принялся бежать, но выбился из сил и снова перешел на шаг, сначала скорый, но тоже быстро устал и пошел медленнее.

День вступил в свои права. Пасмурный день. Все небо было в свинцовых тучах, а вдали, судя по линии горизонта, похоже, шел дождь. «Может, мой вагон погасит», – невесело подумал Роберт.

Шел он довольно долго, пока совсем не выбился из сил. Мучительно хотелось пить, но не было надежды на то, что удастся утолить жажду. Вдруг он увидел белоснежное поле среди степи, с рваными очертаниями берегов, оно было ниже уровня всей степи примерно на полметра. Роберт прыгнул с высоты этого полуметра на белоснежное покрывало... и погрузился в черную грязь почти по колено. Это оказался «сор» – «сора», как их называет местное население. Эта высохшая большая лужа может быть больше футбольного поля, нередко и в два-три

таких поля или, как в большинстве своем, немногим меньше. Высохшая от воды лужа, но по причине наличия соли, причем в изобилии, что, собственно, и давало окраску белоснежного цвета, никогда или почти никогда не высыхающая досуха. То есть влага есть, а напиться нельзя, что еще больше усиливало жажду.

Роберт не без труда выбрался из грязи. При этом он потерял один из подаренных дедом ботинок, которые были слегка великоваты, и потому левый башмак спал с ноги. Пришлось руками разгребать грязь и добираться до него. Теперь и руки были в липкой черной жиже и сам он был не только черен от угольных вагонов, от пожара и от прыжков, но и весь в комьях налипшей грязи.

Он нашел более отлогий берег и устроился там отдохнуть, почиститься и обсохнуть. Оглядев свои пожитки, установил, что при нем остался ржавый нож, который каким-то чудом, находясь за поясом, почти не навредил его обладателю, не считая отпечатка этого ножа на спине и незначительной царапины. Одет Роберт был все еще в дедову телогрейку, штаны его были изрядно потрепаны и на испарянных коленях порваны, а на поясе привязанный шалью болтался бидончик, который стал почти плоским. Роберт принялся выправлять его форму ножом. Возился с ним долго, и более-менее эта операция ему удалась, и емкость бидончика стала близкой к первоначальной.

Устав от ходьбы и от всего прочего, Роберт уснул, а когда проснулся, день уже заканчивался. Тучи висели так низко, так многообещающе... Обрадовался бы он дождю? Конечно, когда мучает жажда, другие проблемы отходят на задний план. Не будем забывать, что это совсем еще мальчик, едва достигший четырнадцатилетнего возраста... или еще не достигший?... Роберт не знал, какое сегодня число. Дату своего рождения он помнил, а также он помнил и все даты и имена своих самых близких, как наказал ему отец. Как его сейчас не хватало! С ним любая проблема была решаемая, любое дело по плечу, он был уверен, что отец без труда нашел бы здесь и воду, и еду, и ночлег...

Но отец был далеко, и Роберт мог рассчитывать только на себя и еще на чудо. И это чудо случилось. Небо словно прорвалось в один миг, пошел такой сильный дождь, что Роберт промок в одну минуту насквозь, спрятаться от дождя было совершенно негде. Коробку спичек он укрыл, как мог, подальше от влаги, но это помогло мало, и она если не промокла, то отсырела изрядно. В «сору» со всех концов побежали ручьи с мутной водой. Он жадно пил эту мутную воду, песок скрипел на зубах, но это его не остановило. Набирая воду в свою нехитрую емкость, мальчик с сожалением обнаружил, что она дала течь. Трещина была чуть повыше середины, значит, емкость все-таки уменьшилась почти вдвое. Утолив жажду, кроме холода он почувствовал и голод – от этих двух спутников избавиться не было никакой возможности. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Роберт выжал все свои тряпки, снова надел их и отправился в путь. Шел почти до самого рассвета. Таким образом проложил достаточно большое расстояние между собой и железной дорогой.

«И что дальше, куда теперь, поворачивать на восток и дальше пешком. Да и где этот восток, как далеко увезли моих родных, как скоро я их найду, найду ли вообще. Страна вон какая огромная, и зачем только их делают такими большими, а эта вообще безразмерная...» – так размышлял он, и эти мысли приводили его в уныние.

Между тем пейзаж немного приукрасился саксаулами, такими закрученными и низкорослыми, порой совсем без листьев. Вдали он заметил что-то наподобие строения и направился туда. Это была заброшенная овчарня или коровник, развалившийся, наверно, еще в прошлом веке. Крыши не было совсем, но сохранились кое-какие стены, из пригодных для огня строительных материалов не было ровным счетом ничего, но тут и там росли, или больше не росли, закончив свой жизненный цикл, саксаулы. Саксаулы неохотно отдавали свое Роберту, и он изрядно попотел, чтобы насобирать дров. Спички были промокшие, и развести костер не представилось возможным. Он испортил полкоробки, но так ничего и не получилось. Спать пришлось

не только голодным, но и в холоде. Хорошо, что одежда на нем подсохла, хотя телогрейка еще долго оставалась сырой. Он положил несколько спичек на голое тело и свернулся в клубок, в уцелевшем углу, – хоть какая-то защита. Соорудить крышу над головой оказалось совершенно невозможным, но дождя, к счастью, в эту ночь не было. Роберт ослаб настолько, что решил на следующий день не продолжать свой путь, а отдохнуть весь день здесь, хотя и под открытым небом, но хоть при какой-то защите от ветров, которые в открытой степи никогда не прекращались и пронизывали насквозь.

Назавтра он сильно надеялся развести костер и согреться. Всю ночь он продрожал и не сомкнул глаз, как ему казалось, но ночь прошла как-то быстро, значит, все же сомкнул.

Взошло солнце, такое яркое, на небе ни облачка, но холод был собачий. Солнце, поднимаясь все выше и выше, согревало землю и вместе с ней заблудшего маленького человечка. Он достал те несколько спичек, которые сушил у груди, и попробовал зажечь – не удалось, пришлось еще немного подождать с теплом. Он разложил свое сокровище под лучи солнца и, сев на корточки, не мог взгляда отвести от них, ожидая, когда же они высохнут и обретут свою утраченную способность. Ждать пришлось долго, никаких видимых изменений с ними не происходило. Чтобы скоротать время и как-то согреться, он решил осмотреть свои владения. Ничего пригодного в пищу ему найти, разумеется, не удалось. Правда, далеко-далеко показалось стадо сайгаков. Но их и с ружьем трудно добыть, не то чтобы со ржавым и тупым ножом. Он вернулся в свое убежище и предпринял отчаянную попытку развести огонь, и ему это удалось. Дров было в округе не то чтобы в изобилии, но вполне достаточно, чтобы поддерживать огонь.

Наконец он согрелся. Две стенки сзади и тепло огня впереди создали уютный микроклимат. Он сушил свою телогрейку, при этом чуть не спалив ее; поеденную молью шаль, все свое достояние, которое стало для него символом тепла и уюта. Соорудил какое-то подобие крыши из всех имеющихся подручных средств, и стало совсем тепло. Саксаулы, на удивление, горели жарко и долго. Ему удалось с корнем вытащить один довольно толстый ствол, который, сгорая, щедро дарил свое тепло. По мере сгорания ствола, которое началось от середины, Роберт подвигал концы его в костер и наслаждался теплом. У него еще была вода в бидончике, хотя и мутная, но, отстоявшись, стала вполне пригодной для питья. Его мучал только голод, и муки эти были нестерпимы.

Солнце, завершив свою привычную прогулку, скрылось за горизонтом, за тем горизонтом, откуда и начались все несчастья. От этого нежеланного горизонта Роберт был далеко, как, впрочем, и от желанного.

Ночь прошла в тепле. Роберт спал глубоко, erholsam⁹, ему приснилась мама, она его приглашала к накрытому столу, к завтраку. Огромная сковорода с жареной на сале картошкой стояла на столе. Горячий, только что испеченный хлеб еще дымился, накрытый полотенцем; теплое парное молоко в крынке стояло рядом, молоко от только что подоенной коровы по имени Марта, их кормилицы. Была еще уха из осетровой головы, Kartoffelundklimp, Krautundbrei¹⁰... Во сне он пытался подсказать маме, зачем все подавать за раз, к завтраку, надо бы еще оставить и на ужин, и на завтра, но мама его не слышала, а несла и несла все на стол. Он так не желал просыпаться, так не хотелось из сытого сна возвращаться в голодную явь. Ему снился, или это было на самом деле, еще и волчий вой. Проснувшись, он осмыслил происходящее с ним и пришел к весьма плачевному выводу: он голодный сам, не ел уже несколько дней, а рядом где-то, возможно, пока еще только возможно, такие же голодные волки. Он машинально проверил, на месте ли ржавый и тупой нож, которым он так еще и не попользовался, если не

⁹ Отдохновенно.

¹⁰ Названия блюд: картошка с галушками, капуста с пюре (картофельным).

считать операцию с бидончиком, но расстаться с ним он не согласился бы и за большой кусок хлеба, даже сейчас.

Фроинд

Прошел долгий голодный день. Наступила теплая ночь, которая не прибавила сил и не утолила голод. Проснувшись на следующий день, Роберт обнаружил, что солнце стояло уже высоко, в полуденном зените, а он все спит на своей импровизированной постели и у него нет никакого желания подниматься. Более того исчезло напрочь чувство голода. Ему richtig¹¹ нездоровилось, у него был жар – его то знобило, и он укрывался всем своим тряпьем, то становилось жарко, и он раскрывался снова. В довершение ко всему в последующую за днем по странной традиции ночь пошел снег, мелкий и колючий, который больно бил по лицу. Он временами впадал в забытие, но, когда возвращался снова в реальность, первой его заботой было накормить костер дровами. Благо, что он какой-то запас сумел сделать, но его не хватило надолго, а подняться со своей постели для того, чтобы заготовить новую порцию, сил не было совершенно. Из забытия он стал возвращаться все реже и все реже вспоминать про дрова. Его костер окончательно погас, в бидончике оставшаяся вода покрылась корочкой льда. Роберт уга-сал. Он бредил рыбалкой, приносил свои извинения за свою черную неблагодарность, за кражу таким на редкость любвеобильным сердечным людям с того безымянного разъезда, гонялся со своим ножиком за своими обидчиками – пацанами с безымянной станции; то он боролся с непокорным огнем в вагоне, а то возвращался в раннее детство, когда он едва делал первые шаги, говорил первые слова. Он так долго молчал, ему так хотелось говорить-говорить... Ему было тепло и сытно, тепло и сытно. Сухо, уютно, тепло и сытно. Но вдруг он почувствовал мокрое и холодное прикосновение к своему лицу. Стоило невероятных усилий открыть глаза. Когда ему это удалось, он увидел нос к носу огромную мохнатую морду, которая лизала его лицо и при этом жалобно поскуливала. Испугаться у Роберта не было никаких сил, первой мыслью должна была стать неутешительная – перед ним голодный волк, нашедший добычу. Нет, Роберт сразу понял, что это чудище есть собака и это чудище спасло его от неминуемой смерти или хотя бы отодвинуло приближение ее на неопределенный срок, от смерти, которая уже рас-крыла свои широкие объятия. Чудище нуждалось в помощи человека. У чудища-собаки тоже были далеко не лучшие дни ее жизни. Как и ее морда, вся остальная она была соответственных размеров, тоже огромной, однако это ее не спасало от всевозможных собачьих неприятностей.

Роберт от этих собачьих нежностей мало-помалу пришел в себя, что было сделано с крайней неохотой. Ему уже было хорошо там, а в этот голодный и холодный мир он возвращаться никак не хотел. Собака стояла перед ним и тихонько жалобно скулила – «помогите». Он огля-дел ее – она была изрядно потрепана, очевидно, в драках не на жизнь, а на смерть. Но самое плачевное было то, что вся ее шерсть была в репейниках, которые настырно цепляли свое семя на всех мохнатых и волосатых, но методы распространения семени одних нередко становятся проблемами для жизни других, поскольку все это взаимодействие происходит на одном уровне, в одной плоскости.

Вернемся к несчастной собаке и вряд ли более счастливому Роберту. После медленного и мучительного возвращения он принялся за дело. Стал вырезать, выковыривать из длинной и густой шерсти собаки все эти репейники, которыми она была покрыта с ног до головы, с головы до хвоста, вдоль и поперек, не было от них абсолютно никакого свободного места. Собаке любое ее движение причиняло боль. Ах как пригодился ржавый и тупой нож. Собака, а точнее пес, как установил Роберт во время этой операции, саму эту болезненную процедуру переносил терпеливо, иногда поскуливая от боли, но не предпринимая ни малейших попыток убежать или укусить обидчика. Роберт начал с головы и, добравшись до хвоста, обнаружил, что тот в середине имел открытый перелом, и конец хвоста держался практически только на шкуре,

¹¹ Зд.: сильно.

в открытой ране копошились черви. Четырнадцатилетний пацан, этот мальчик, принял единственно правильное решение, предпринял спасающую жизнь ампутацию. С этой целью он вынул из потухшего огня головешку, положил на нее хвост собаки, поставил на него тупой ржавый нож, и второй такой же головешкой ударил со всего маху по ножу. В этот удар он вложил все свои силы. Операция прошла успешно. Пес рванул было наутек, но тут же вернулся, зализывая свой хвост и облизывая руки Роберту, при этом порываясь лизнуть его и в лицо, с переменным успехом. Таким образом пес лишился не только своего хвоста, но и значительной части своего зимнего одеяния. Он безропотно дал замотать остаток хвоста в тряпку, которую вырвал из подкладки своей телогрейки юный хирург. Как и Роберт, это было голодное создание, которое остро почувствовало голод некоторое время спустя после освобождения от болячек...

Костер давно потух, спичек больше не было. Но тут Роберт вспомнил, что во время ампутации головешка, которой он ударял по ножу, была теплой. Сразу он не придал этому значения, а теперь вспомнил. Он взял головешку в руки – закрученный-перекрученный ствол деревца. Она действительно была теплой. Он попытался при помощи ножа добраться до недр деревяшки; ценой огромных усилий удалось ее если не расколоть, то надколоть, в середине он обнаружил еле-еле тлеющий огонек. Мальчик принялся дуть на него. Дуть пришлось долго, огонек все никак не хотел возвращаться к жизни. Роберт все раздувал и раздувал огонек, даже голова закружилась. Наконец ему удалось вернуть к жизни источник тепла, и это его очень приободрило. Костер снова был в порядке и щедро дарил тепло, но это не наполняло желудок. Роберт подобрал все еще кишачий червями обрубок хвоста собаки, взял одного из них и, преодолевая отвращение, положил в рот, тут же сморщился и выплюнул. Ножом снял шкуру с хвоста и отряхнул червей на землю. Пес, наблюдавший за сценой, нехотя подошел и принялся слизывать их с земли, при этом громко чавкая, будто жует большой кусок мяса. Освободив обрубок от шкуры, Роберт насадил его на палку и расположил над огнем. Когда он решил, что ужин готов, принялся тщательно обглаживать позвонки, когда они становились полированными таким образом, он их отдавал псу и тот их проглатывал. Когда он справился с этим занятием, с вожделием взглянул на остаток хвоста на собаке и пожалел, что отрубил его не под самый корень. Пес, словно угадав его мысль, поджал хвост и убрался в сторону. Человек и собака провели ночь вместе под одним одеялом – пуховой шалью, прижавшись друг к другу. Проснувшись следующим утром, Роберт стал разговаривать с псом:

– Ну что мы теперь будем делать, Retter¹², как прикажешь тебя называть?

В ответ пес вилял остатком хвоста и преданно смотрел в глаза своему спасителю.

– Спасителем... нет, не пойдет. У нас один Спаситель. Ты будешь Freund¹³ (Фроинд).

К ночи пошел дождь. Крыша хотя и мало, но все же спасала от влаги, как обитателей угла, так и костер, который Роберт аккуратно подпитывал дровами. Он ослаб основательно и от болезни, и от голода. Жар прошел, но слабость была невероятная. Он бы больше уже не поднимался со своего ложа, если бы не нужно было дрова для костра добывать. А для этого необходимо уходить с каждым разом дальше и приносить их получалось меньше, поскольку саксаулы отдавали их еще менее охотно, и теперь целый ствол Роберту притащить к костру не хватило бы сил, даже если бы он обнаружил свободно лежащий, выкорчеванный. Он и Фроинда приспособил для заготовки дров. Пес оказался на редкость сообразительным, верным и покладистым и не отходил от Роберта ни на шаг, покорно волоча приделанные к нему коряги вслед за своим хозяином. В очередной раз в поисках дров Фроинд остановился у одной норки и принялся лапами разрывать землю, но она оказалась плотной и не поддавалась. Роберт вспомнил, как они с другими мальчишками когда-то вылавливали из нор сусликов, но сейчас октябрь, а может быть, даже ноябрь, они все в спячке. Фроинд наверняка своим собачьим нюхом учуял

¹² Спаситель.

¹³ Друг.

в этой норе такого суслика. Луи после дождя были повсюду, и, сходя за своим бидончиком, Роберт принялся за дело. Ему пришлось раз 10–12 ходить от лужи к норе и обратно, при этом он наказал Фроинду сторожить добычу. Наконец его усилия принесли свои плоды – выскочил из норы и попытался удрать один суслик, за ним следом другой. Второго Роберт успел схватить за загривок, а первого настиг Фроинд. Восторг был полный у обоих, они обрадовались добыче несказанно, ведь она спасет их жизни! Свою порцию Фроинд уплел полностью, без остатка, вместе со всеми костями и шкурой. Роберт пристроил бидончик над костром, располовинил своего суслика, сняв предварительно шкуру и выпотрошив внутренности, все это тут же слопал Фроинд. Бросил обе половинки в кипящую воду и принялся ждать. Бульон получился наваристым. Мясо было вкусно, хотя и без соли, но зато на соленой воде из «соры», это было такое наслаждение, снова поесть спустя столько долгих голодных дней. За один раз он все есть не стал, оставил на завтра, хотя голод и не утолил. Ему на память пришли рассказы о голоде тридцатых годов, когда пережившие это время люди, жадно набросившись на еду, умирали от того, что отвыкший от пищи организм не справлялся.

Впервые за много дней он уснул почти здоровым сном и в тепле. Проснувшись, сразу бросил взгляд на свой бидончик. Возле него крутился Фроинд. Крутился – да, но прикоснуться к нему не посмел. Роберт проникся благодарностью к верному псу, ведь даже у обученных животных, когда дело касалось еды, отступали все нормы морали. Нет, завтрак был цел. Роберт подкинул дров в костер и пристроил импровизированную кастрюлю. Насладившись едой, он голову и кости отдал Фроинду, тот их мигом проглотил снова без остатка. Впереди был день, полный надежд на новые охотничьи трофеи. Но труды были и в этот, и в следующие дни напрасны, да и вода либо кончилась в лужах, либо замерзла, вперемешку с грязью. Опять наступал голод, и наш юный герой приуныл. Он решил двигаться. Оставаться на месте – верная гибель. И он пошел. Фроинд по-прежнему не отходил от него ни на шаг. Они спали вместе, согревая друг друга. Тепло они утратили, хотя и брали с собою тлеющую головешку, но огонь в ней оказался не такой долгожитель, как в той, из которой его удалось раздуть. Фроинд где-то раздобыл мертвую вонючую ворону, но Роберт отказался это есть. На очередное голодное утро уже не было сил встать, и они остались лежать до вечера и снова до утра. Роберт погрузился в забытие, сквозь которое слышал неистовый лай собак, где-то далеко-далеко, во сне или наяву, он не мог различить. Вернувшись неохотно «оттуда», обнаружил, что здесь, прямо чуть ли не на нем самом, шла отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть. Четыре здоровенных откормленных пса со всех четырех сторон нападали на Фроинда, а тот отчаянно отбивался, стараясь в то же время защитить своего хозяина, в чем нужды в общем-то не было, собаки проявляли свой собачий интерес только к Фроинду. Дела его были плохи, и Роберт хотел броситься в защиту с отчаянными криками, но вместо крика получился слабый стон, да и на ноги подняться сил не хватило. Собак это особо не впечатлило, и они продолжали терзать Фроинда. Наконец, раздался конский топот и всадник окрикнул своих собак. Те неохотно, рыча и скалясь в четыре собачьих пасти, оставили Фроинда в относительном покое. Фроинд пострадал изрядно и, расположившись около своего хозяина, принялся зализывать раны, рыча и скалясь в ответ на собак, которые то и дело порывались в бой, но хозяин держал их под контролем.

Хозяином собак оказался юноша лет 16, который спешил к Роберту, что-то говоря по-казахски вперемежку с русскими словами. Роберт ничего не понял и сразу включился в свою роль глухонемого, но ему как-то стало не по себе, голова закружилась, и он потерял сознание...

Карл¹⁴

Контингент был пестрый, или все же не особо пестрый. Немцы, главным образом из «рабоче-крестьян» и преимущественно с Поволжья, а оттуда вообще исключительно из крестьян. В основном рядовой и сержантский состав срочной службы, призванный в ряды Красной Армии перед войной, но были и профессиональные военные, офицерский состав. Особенно был активен один летчик, старший лейтенант, Адольф Нойманн (надо же, как не повезло с именем авиатору), который, как и остальные, был снят с фронта, но, в отличие от этих остальных, отказывался снимать офицерские знаки отличия. Даже когда им выдали молотки и гвозди и они соорудили себе примитивные сани из молодого кругляка, в предстоящем марш-броске он взял руководство на себя, если не считать сопровождавшего их конвоя.

Марш-бросок предстоял длиной в 180 км. Еще здоровые служаки преодолели его если не с легкостью, то без потерь, наивно полагая, что это и есть самое страшное испытание. По пути им встретился старик, который сказал: «Туда идут тыщи, а возвращаются единицы!» Эти слова запали глубоко в душу Карлу. Себе он сказал: «Я буду в числе этих единиц, обязательно, ради сына, ради жены, ради мамы и остальных...»

Лесозаготовительные лагеря Усольлага. Один из них «Тимшер», в котором осталась половина их отряда. Карл и остальные проследовали до лагеря «Чельва». Эти два лагеря, как и множество других, располагались по берегам небольших рек бассейна Камы. Высадившимся в «Тимшере» повезло меньше, им начинать пришлось практически с нуля, а лагерь «Чельва» был уже обжит, обустроен эками, преступниками: ворами в законе, вне закона, убийцами, насильниками, прочими уголовниками, как и политическими, настоящими, но больше мнимыми «врагами народа», и прочими случайными и не совсем, безвинными и не очень безвинными, но страшно виноватыми жертвами ГУЛАГа.

Предыдущий контингент отправили обживать другие места или милосердно позволили умереть в штрафбатах, а лагерь получили в свое распоряжение старший лейтенант Красной Армии Адольф Нойманн, в прошлом рядовой этой же конторы Карл Шмидт и сотоварищи. Дела поначалу шли не так уж чтоб совсем паршиво. У них было их войсковое начальство, их собратья по оружию были их конвоирами, да и кормили как военных. Но это продолжалось недолго. Конвой сменил НКВД, который гайки закрутил так, что дышать стало трудно. Изнурительная работа на лесоповале, при выполнении непосильной нормы, 600 граммов хлеба и пустая баланда. Энкавэдэшники сразу указали место своим подопечным: «фрицы», «фашистские выродки» и т. п.

В наследство от эков, кроме колючей проволоки в три ряда и расположенной между ними «запретки», с вышками по углам, получили низкие приземистые бараки, примерно на 300 человек каждый, с глиняным полом, со сплошными двухъярусными нарами по всей длине барака, никаких матрацев и одеял. Посередине стояла буржуйка, которая слабо обогревала барак, с трудом удерживала температуру немногим выше нуля. Домашняя одежда, в которой прибыл контингент, никак не соответствовала уральским морозам – если бывало минус 30, считалось тепло. Нередко бывало и за минус 50. Одежда изрядно поизносилась, в ней и работали, и спали, и ходили в столовую, есть «палянту». Чувство голода никогда не оставляло. Карл, как и все его коллеги, не был способен ни о чем другом думать, кроме «что бы закинуть в желудок, как его обмануть...» Пайку хлеба можно было раскрошить в баланду и варить ее, пока она полностью не разойдется. Получается что-то вроде пойла для свиней, роскош-

¹⁴ Косвенные указания на судьбу Карла нашлись в одном историческом документальном источнике: книге Вольтера Герхарда Андреевича «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» (Обществ. Акад. наук рос. немцев – издание 2-е доп. и испр. – М.: ЛА «Варяг», 1998. – 416 с.) Спасибо автору этого колоссального труда!

ное блюдо. Но тогда не будет пайки к этому «супу», надо разделить ее минимум на два раза, хорошо бы на три, но это уж точно не получится. Если взять с собой на работу обе части, то не устоишь перед соблазном и съешь ее еще до ужина, и тогда точно не уснуть до утра. А если оставить в бараке, могут стащить, «скрысятничать», а это равносильно катастрофе. Перед такой дилеммой стоял каждый трудармеец каждый день. Обленившиеся повара иногда брали на подмогу желающих, тогда те могли поживиться со дна огромных кастрюль хорошо проваренными рыбными костями, парой кусочков турнепса или горошин, но такое везение выпадало крайне редко.

Выдача пайки хлеба утром – это самое ожидаемое и волнительное мероприятие дня, его приносят бригадир с помощниками, и каждый старается так занять очередь, чтобы досталась горбушка с довеском, хорошо пропеченная, тогда и хлеб легче, соответственно и пайка побольше. Когда кто-нибудь умирал, факт смерти старались скрывать, чтобы хоть раз или два за покойников получить пайки. Первыми погибали здоровяки, они могли работать за троих, но им надо было и соответствующее питание. Выдаваемый утром хлеб они съедали тут же, не дойдя даже в это же время к выдаваемой баланде. Каждый вечер была уха цвета кирзовых сапог, такая жиж, чуть погуще воды из-за плавающих в ней рыбных глаз, костей, чешуи, если повезет, жабер, и больше ничего. Деликатесы на обед и завтрак готовились из брюквы, иногда наблюдались горошины, но не в каждую миску попадали. Карл не был особым здоровяком, но и не самым щуплым. Щупленьким он стал за пару месяцев, а к весне «доходягой». Лейтенант Адольф все пыжился организовать партячейку среди трудармейцев, комсомольский кружок и прочие авантюры, но Карл, будучи комсомольцем, на все махнул рукой: «Я же не собака лизать бьющую меня руку...» Зиму пережили и лейтенант Адольф, и Карл Шмидт. Первый все-таки расстался со своими офицерскими знаками отличия, да и организаторская спесь поубавилась.

– Может, хватит уже ж...у рвать! – как-то сказал Адольфу Карл.

– И действительно – хватит, для чего?! – согласился с Карлом Адольф.

Весна сорок второго, такая поздняя, пришла и в северные края необъятной родины. Лесозаготовками стало заниматься невозможно, но отверженному народу в общем и каждому члену этого народа, дожившему до весны, это не означало отпуск. Работу продолжали с двумя выходными... один на седьмое ноября, другой на первое мая. Советское начальство имело большие виды и посредством этой бесплатной рабочей силы, в свободное от лесозаготовки время создавала инфраструктуру. Так Карл попал на строительство ветки железной дороги. Энтузиазм старшего лейтенанта Адольфа кончился, всякие партячейки и комсомольские дела прекратили свое существование из-за их абсурдности, а на работу продолжали водить как на праздник, под конвоем. Норма есть – есть 600 граммов хлеба, нет нормы – урезана пайка, за любую провинность могли вырезать из талона на питание дневной или недельный паек, и тогда приходилось действительно туго, оставалась одна баланда, которую даже не ели ложками, а пили через край алюминиевой чашки.

Старший лейтенант держался, хоть и превратился в привидение, качаемое на ветру, сила духа – большое дело, но эта сила не наполняет желудка, не восполняет затрачиваемые калории, отдаваемые во имя победы. Ах если бы будущие победители хотя бы сносно кормили, насколько больше бы было сделано, произведено для их триумфа, вылиты брони для танков, заряжено снарядов, повалено деревьев для блиндажей... Как приблизило бы это день победы и сократило число жертв среди победителей. Но «за ценой никто не постоял». Явно среди победителей были вражеские элементы, или, как минимум, тупорылые бараны, упертые рогами в землю, в руководстве, на всех уровнях, и прежде всего всей страны.

Не нашлось второго Ленина во Второй мировой, в отличие от первой. Во время Первой мировой финансировали авантюриста, и его успех превзошел как все ожидания, так и не ожидания. Кто бы из финансирующих мог подумать, что эта сила, вопреки всем «цветным»

террорам, учиненным этими «цветными» (читай – красными), способна противостоять такой организованной и вооруженной до зубов военной машине.

Поначалу у большевиков было мало танков и самолетов, зато у них был козырной туз в руках – пушечное мясо, причем в изобилии, и даже приветствовался такой драматизм в развитии событий, дабы жертвы войны затмили все другие преступления. От человеческого материала избавлялись всеми средствами еще со времен кровавой Октябрьской революции непрерывно, без передышки, по сорок первый. В некотором смысле им была как раз на руку эта война. Когда есть внешний враг, это объединяет, отвлекает от внутренних проблем, которых было более чем достаточно. Взять хотя бы голод 1921 года или еще более сильный голод 1933-го. Конечно, нежелательно, когда на кон поставлена собственная задница, гомосексуализм не приветствуется, особенно среди кавказских народностей, но тут был факт налицо – внешний агрессор, еще конкретней: факт на всю морду этого лица.

Как неосмотрительно родиться немцем в России, да к тому же в начале XX века, в высшей степени неосмотрительно. Да еще и имя Адольф получить, это уже вообще ни в какие рамки не вписывалось. Он родился, когда главному Адольфу было 10–12 и он ничего еще не натворил, может, у соседа яблоки воровал или подрался с другим соседом, но такие грешки не в счет, кто из нас вырос без этого. Кто же мог предположить, что этот Адольф так ополит это имя. А Иосиф – ничего, не ополшил, как ни старался. Наверно, тут немалая заслуга другого Иосифа, библейского, проданного братьями в рабство в Египет, который такой задел непорочности своей порядочностью дал этому имени, что будь еще три таких тирана с именем Иосиф, все равно не ополшили бы.

Но вернемся к несчастному Карлу и русскому Адольфу, не более счастливому, чем его коллега. Эти двое решились на побег, дальше *ging einfach nicht*¹⁵. Куда идти, без еды, без теплых вещей, еще в пору холодной весны? «До лета не дотянем», – поняли оба.

Перехитрить конвой оказалось не так трудно, как они предполагали. Кругом на сотни километров тайга, и если даже кто-то сбежит, конвой относился к своей задаче, поставленной партией, спустя рукава. В день побега они работали на строительстве железнодорожной насыпи и, улучив момент, нырнули в тайгу. Дневная пайка хлеба приказала долго жить, не дожив до обеда. Ягод в лесу еще нет, а цветочки малопригодны для еды, но на безрыбье и рак – рыба...

Далеко от лагеря они уйти не успели, и Карл вызвался пойти раздобыть чего-нибудь съестного в домик, стоявший около путей, очевидно – домик стрелочника. Русский Адольф остался ждать в лесу. Карла накрыл стрелочник Пантелеев. Вместо того чтоб накормить несчастного, лично отвел его и сдал властям, несмотря на все уговоры Карла, тщетно ожидающего помощи от товарища. У Пантелеева в руках было ружье наперевес, бравый лейтенант был перепуган до смерти, и в этот раз не проявил никакой инициативы для спасения своего товарища по несчастью – когда его этот стрелочник Пантелеев проводил у него под носом, предпочел не высовываться. Невероятно, но побег Адольфу удался, более того, он добрался до «большой земли», остаток войны и какое-то время после нее был на нелегальном положении. Всю оставшуюся жизнь казнил себя за малодушие. Но не будем забегать вперед. Когда они прошли мимо, Адольф остался в своем «схроне». Однако к вечеру он обрел мужество. Дождался стрелочника и опустил ему тяжелый предмет на голову. Присыпав труп листьями, разжился его одеждой, в кармане обнаружил приказ начальника о награждении его, стрелочника Пантелеева, ста рублями (которых в карманах не было) за проявление бдительности и сдачи опасного немца Карла Шмидта властям. В его стрелочном домике лейтенант разжился кое-какой едой, что было решающим в его дальнейшем тяжелом путешествии, а также документы на имя Пантелеева, которыми он пользовался еще долго после войны. Это был человек чести, несмотря на его минутную слабость, возьмем на себя смелость утверждать это. Он дал

¹⁵ Не могло так продолжаться.

себе слово, что доставит родным своего товарища вести о его гибели, если выживет. И покажет эту бумажку, которая красочно демонстрирует цену жизни опасного немца Карла Шмидта, или любого другого опасного или неопасного советского гражданина. 100 рублей – это много, при том что булка хлеба тогда стоила 200 рублей. Стрелочник Пантелеев так и не получил свои 100 рублей, а Карл Шмидт был расстрелян. Труп его брошен в овраг, в кучу к другим промерзшим, еще не оттаявшим трупам. А когда земля вместе с покойниками достаточно оттаяла, этот овраг присыпали землей, во избежание распространения заразы. Могилу Карла не нашли никогда.

Вторая семья

Апашка – Кумыс Дюсингалиева;
ее супруг – Кабук тоже Дюсингалиев;
их дети:
Рыскул – 25;
Алия – 22;
Рыспек – 17;
Куныш – 16;
Асимгуль – 11;
Айжана – 10;
Динара – 6 (внучка).

Очнулся Роберт в тепле, под одеялом и под крышей. Рядом горел очаг, на нем казан, испускающий аппетитный запах. У очага возилась пожилая женщина. Роберт, проснувшись, сразу забеспокоился по Фроинду, но его заверили, что с ним все в порядке. Однако мальчик не успокоился, пока его под руки не вывели на улицу и не показали, что его четвероногий друг отделен от остальных собак надежным забором, да и последние были уже не столь агрессивны. Около Фроинда стояла миска с едой, но тот к ней не притронулся, пока Роберт собственноручно не поставил миску перед ним.

Роберта тоже покормили, а потом стали купать в большом чане с теплой водой, которая быстро стала черной. Ее заменили и продолжили мытье, пока Роберт не обрел свой первоначальный окрас, который оказался не совсем первоначальным по причине приключившейся с ним болезни Боткина, желтухи. Он был теперь не рыжим, а желтым, включая и редкий волосяной покров. Женщина говорила с ним, но он не понимал почти ни слова. Рядом находились два подростка – тот, который его нашел, и другой, немного постарше; три девчонки в тюбетейках, из-под которых виднелись многочисленные тонкие косички со вплетенными в них мелкими монетками. Они служили вместо украшений и при движении постукивали друг о друга и приглушенно бренчали. Обладательницы косичек с любопытством и беззастенчиво разглядывали все прелести Роберта во время купания. Женщина, которую все называли апа, Апашка, назвала его Балапан, что по-казахски означает цыпленок, ведь он был весь желтый как цыпленок.

Апашка определила болезнь, поставила диагноз, так сказать, сразу и оградила от него, как могла, своих детей, зная, что болезнь заразная. Предпринятые меры были своевременны и возымели успех – никто из детей не заболел.

Балапану так не хотелось снова притворяться немым, снова обманывать и этих своих благодетелей, так хотелось поговорить по душам о наболевшем с Апашкой, перекинуться парой слов с парнями, которые по-русски понимали не больше, чем он сам, но это было все же что-то. На языке глухонемых, которым он и не владел даже, вдоволь не наговоришься.

Он долго страдал от дефицита общения, пока однажды ситуация не разрешилась сама собой. Как-то поутру, когда Роберт не совсем еще окреп, оставшись в юрте наедине с ним, Апашка взяла его руку в свою и доверительно на двух языках одновременно сказала:

– Балапан, ты говорить умеешь, я это знаю. Сегодня ночью ты разговаривал во сне... по-немецки.

Роберт в ответ произнес что-то нечленораздельное из своего привычного лексикона.

– Не надо, Балапанчик, не обманывай меня.

– Да я... я не хотел, так получилось... – сказал на ломаном русском Роберт.

– Это ты что, на войну из дома сбежал, из своей Германии?! – она мучилась этим вопросом с самой ночи.

Роберт объяснил ей ситуацию, в которую она не очень-то сначала поверила, но это не отразилось на ее отношении к Роберту, как к родному сыну. Потом, наведя справки о Республике немцев Поволжья, их депортации, она проявляла к нему самые нежные материнские чувства больше, чем к родным сыновьям. Она справедливо рассудила – у тех есть семья, есть мать и отец, братья и сестры, и все они рядом, а у Роберта нет никого, и сможет ли он кого-нибудь отыскать – это большой вопрос. Даже родину у него отобрали.

Апашка обслуживала Роберта за столом всегда первым, лучшие куски подавались ему – сначала как гостю, потом это вошло в привычку и не вызывало протеста даже у Кабука.

Как только у Роберта «прорезался голос», сразу и без какой-либо натяжки он стал называть ее апа, Апашка, как и все остальные ее дети, и ей было это особенно приятно. Роберт обрел здесь второй дом, вторую семью. Апашка пообещала, что как только кончится война, они вместе продолжат поиски его родных. Несмотря на это, он на первых порах все порывался было пуститься в розыск безотлагательно. Сначала думал, как только отойдет от голода, потом отложил поиск до весны. Но и весной никуда не уехал, не сбежал, большей частью потому, что Апашка доходчиво и мудро объяснила ему ситуацию. Следует отметить, что у Апашки, которую на самом деле звали Кумыс Дюсингалиева, и в Сельсовете, и во множестве других эшелонах власти местного уровня были родственники, дальние и ближние. У казахов родственные связи крепки вплоть до седьмого колена, поэтому она кое-что могла, в смысле добыть нужную информацию, помочь с бумагами, трудоустройством.

Конечно, вести о том, что среди них живет немец, просочились за пределы семьи, и Роберта хотели забрать. Но Апашка костями легла – не отдала. Она вытащила из сундука старую берданку, неизвестно какими путями попавшую к ним из Монголии, о чем свидетельствовала соответствующая надпись на прикладе и цевье, оружие времен Богдохана, передернула затвор, и это произвело впечатление.

Роберт, еще не окрепший, совсем пал духом. У него перед глазами всплыл душный трюм баржи с холодной жижей на дне, он принялся плакать как шестилетний ребенок и прятаться за юбку Апашки. Этот плач подхватили три девчонки, и получился солидный «концерт». Но уважения к нему у девчонок не убавилось, а наоборот, он стал как бы роднее, раз уж такие же слабости имеет, как и они. Он проводил с ними много времени, по просьбе Апашки начал обучать их немецкому языку, а сам одновременно учился казахскому и русскому. Он и со своими младшими сестрами Нелли и Эммой был дружен, а девочки-казашки напоминали их – такие же непосредственные, с такими же косами, такие же временами бестолковые. Что бы он ни делал, куда бы ни ходил, они все время норовили увязаться за ним.

Война, далекая, но ненасытная, не закончилась так быстро, как предполагали сначала, а продолжалась целых четыре долгих года.

Старшего сына Апашки, Рыскула, Роберт-Балапан так и не увидел – его уже призвали в армию до появления Роберта, а позже на него пришла похоронка, еще в первый год войны. «Погиб смертью храбрых», «похоронен с воинскими почестями» где-то в Белоруссии, вряд ли матери от таких утешительных строк может стать легче.

Муж Апашки, Кабук, был горький пропойца. Как у всех пьяниц, все его заботы сосредоточились вокруг «огненной воды», которая поразительно действовала на него, полностью лишая человеческого облика и гася все проблески сознания. Не в состоянии опьянения это был вполне адекватный, нормальный человек, занимающийся хозяйством, хороший отец и неплохой муж, ничего не помнящий из своих пьяных походов и с весьма узким кругом интересов, сводящимся к одной заботе. Но как принимал за воротник, его крышу срывало, и он всю свою злобу вымещал на жене и детях. Больше на жене, а та безропотно сносила все, включая побои, хотя справиться с ним было нетрудно, даже женщине, тем более теперь, при поддержке почти взрослых сыновей. Вот такое воспитание у азиатских женщин было в середине прошлого века. Детей она ему рожала каждый год, но случился перерыв, когда он продал за бутылку

мешок колхозного зерна и его посадили на 10 лет. Но Кабук отличился примерным поведением и вернулся, не отбыв и пяти. Так после перерыва родилось еще две девочки, Асимгуль и Айжана.

Будучи в лагере где-то под Джамбулом, он дал себе слово – больше ни капли спиртного, осознав, что отсюда все его беды. Но как только освободился, быстро забыл о нем, не продержавшись и двух лет.

Кабук, в очередной раз напившись, уснул около костра, и его правая рука попала в огонь. Кисть обгорела изрядно, остался только один большой палец, да и то потерявший способность сгибаться в суставах. Но стакан этой рукой он держать мог, что и демонстрировал своим собутыльникам как предмет особой гордости – дескать, Аллах был к нему благосклонен и оставил ему такую возможность... Но эта история случилась еще до войны, на которую по этой причине его и не призвали. Кабук совершал свои показательные выступления с завидным постоянством. Ни Апашка, ни ее повзрослевшие дети, в силу их воспитания, не смели ему ничего противопоставить.

Зима была необычайно снежная, затяжная и холодная. Даже бесчисленные стада сайгаков настолько близко подходили к жилищу людей, что собак это очень беспокоило. После некоторых собачьих прений Фроинд был принят остальными. Роберт оставался для него объектом особой привязанности и верности. Вся его собачья жизнь была сосредоточена вокруг него, условно делясь на две части – время ожидания появления своего хозяина и восторженной собачьей радости, когда Роберт был рядом. Фроинд и еду не принимал ни от кого другого, только от него, особенно на первых порах. Позже пес все-таки расширил свой «кругозор» и стал более «общительным».

Весна пришла прохладная и заставила себя долго ждать. Весна сорок второго года. С фронта приходили безрадостные известия, все больше по радио, голосом Левитана. Родные ожидали писем с фронта от своих, ожидали и боялись каждого визита почтальона, уже издали разглядывая его руки – не несет ли он стандартные казенные конверты, что означало только одно – похоронка.

Урал разлился больше обычного, но в силу своего положения поселку Индербор это не грозило наводнением. Рыбы в Урале, как и в Волге, было много, и по мере разлива она заходила для нереста, в поисках пищи и для других своих рыбьих надобностей и целей или безо всяких целей, в эти разливы, которые сначала сообщались с основным руслом. Но по мере спадания уровня воды они превращались в сепаратные озера, а с наступлением засушливого периода и вовсе постепенно пересыхали. Таким образом, рыба оставалась в заключении, и по мере высыхания озер она концентрировалась в остатках воды. Так уже во второй половине лета Балапан и Куныш обнаружили такую лужу, метров 50–70 длины и метров 15 ширины. Воды было не больше чем по колено, да и не вода была это, серая жижа, которая вся шевелилась, кишела рыбой. Рыбы было всего два сорта, огромные шуки и не менее огромные лещи. Первые были длинными и стройными, вторые – плоскими и почти круглыми. Рыбы хватило на всех родных и знакомых, сушили-вялили и жарили-парили. Вылавливали голыми руками или при помощи нехитрых подручных средств. В конце концов, стали запускать в другие лужи, более глубокие, с тем чтобы ею поживиться позднее.

Вяленые шуки становились деревянными. Если их долго варить, то они стали бы вполне съедобны, но при изобилии другой рыбы кто станет это делать. Этих шуков бы Карлу, или Нахтигальчику, да и Амалия с ее девочками нашли бы им более достойное применение, чем Апашка, которая топила ими печку.

Бывало даже с местной кликой¹⁶ они и на осетровых охотились, это нельзя было назвать рыбалкой. Икру ели, случалось, еще теплой, прямо из вспоротого брюха осетра, слегка присолив, но это больше для «форсу»...

Еды было изобилие, и Балапан напрочь забыл про дни своего голода. Он жил сытно, в тепле и не работал на измор. В то время еще оставшиеся в живых члены его семьи, его единокровной фамилии, и работали на измор, и не то чтобы жили впроголодь, а голодали и замерзали, но он этого не знал. А если бы и узнал, не смог бы ничем помочь.

Куныш как спаситель Балапана от голодной смерти, сам того не осознавая, стал его покровителем. Его и в компанию других пацанов приняли, после того как он дал «соответствующую рекомендацию» салагам, которые поначалу пытались на него «наезжать» – альбиноса принимают неохотно в любое стадо. Тот факт, что Куныш был на пару лет старше своего приемного брата, а в юношеском возрасте это приличная разница (тот, кто имеет старшего брата, поймет), стал выигрышным для Роберта и принес свои дивиденды. Тем более что и у Куныша, в свою очередь, тоже был старший брат – Рыспек.

Август выдался особенно теплый. Урал вернулся в свои берега и неумоимо нес свои мутные воды в Каспий.

Балапан, хотя и оставался щуплым подростком, но отошедшим от злоключений, окрепшим и возмужавшим. С Кунышем они всюду были вместе, насколько позволяли обстоятельства. Однажды они с другими детьми, в том числе и с младшими сестренками, купались в Урале. Берег изобиловал маленькими заводями и озерцами различной глубины, на любой вкус и на любой уровень в умении плавать. Там и вода была потеплее, чем в реке, да и течения не было.

– И в этой речке утонул Чапаев... – сказал Роберт с напускным удивлением.

– А ты бы не утонул, когда в тебя стреляют? – ответил вопросом Куныш.

– В меня стреляли, но я поглубже нырял и не попали. И это была Волга, а она в 10 раз пошире будет, – слегка приврал Роберт.

– Так уж и в десять? – вмешалась в разговор Асимгуль. – А эту речку переплыть слабо?

– Запросто, – ответил Роберт, вставая и направляясь к реке.

– Не надо, Балапанчик, опасно, – пытались его остановить все трое девчат и Куныш с ними, – течение быстрое и водовороты есть, да и вода там холодная...

– Холодная вода мне не помеха, с детства закаляюсь, – бросил на ходу Роберт обществу, а порывавшемуся за ним Фроинду скомандовал «ждать», плюхнулся с разгона в воду и поплыл на ту сторону.

Течение его подхватило, унося вниз. Ребята подошли к берегу и стали заворуженно наблюдать, как он по косой линии пересекает реку. Роберт выбрался на другой крутой и обрывистый берег, помахал им оттуда рукой. Ему дружно ответила вся ватага. Прошел вдоль кромки воды вверх по течению, снова бросился в воду безо всякого отдыха и пересек Урал в обратном направлении. Верный пес все порывался к нему навстречу, но не осмеливался послушаться.

– Ну герой, – сказал Куныш вышедшему на берег мокрому Балапану.

– Да, – подхватили девчата, считая это почти своим подвигом, – не то что некоторые!

Куныш, не сказав ни слова, пошел к реке. Роберт знал, какой он пловец, и пытался его остановить, но напрасно. Он плюхнулся в воду и его подхватило течение. Куныш выбился из сил, не доплыв и до середины, и подумал, что теперь «каюк». Кричать и звать на помощь не было сил, и он начал глотать уральскую воду большими порциями. Роберт стремглав бросился к нему, на сей раз Фроинд последовал за ним в воду. Куныш ухватился за Балапана, как за спасительную соломинку, чем сковал его по рукам и ногам. Ему с трудом удалось вырваться из смертельных объятий, а Куныш пошел под воду. Роберт нырнул за ним и в мутной воде

¹⁶ Компания.

различил силуэт, скорее угадал, чем различил, сумел настигнуть его и, держа голову над водой, одной рукой сзади, другой гребя усиленно к берегу, выплыл на исходе сил. Все это время пес крутился рядом и больше мешал, чем помогал спасению. Куныш лежал без движения, ему сделали искусственное дыхание всем гамузом, и он, закашлявшись и выпуская воду изо рта, ожил. Они проплыли так, борясь с течением, километра два вниз по реке, а вдоль берега с волнением, надеждой, сменявшейся отчаянием, когда оба скрылись под водой, сопровождали три сестренки и прочие обитатели пляжа. Роберт был теперь окончательно героем, да и Куныш тоже, несмотря на свою неудачу.

Две полбеда

Эшелон прибыл в Алтайский край, в пункт назначения, село Троицкое. Конца пути они ожидали как избавления, но, увы, их не встречали с духовым оркестром, а зима была уже на носу и заявляла о своих правах для начала ночными заморозками. Семью Шмидт поселили, как и еще некоторые другие семьи, в один большой сарай-сеновал, в котором было просторно всем, после вагонной тесноты. Просторно всем, в том числе и сквознякам. Талоны на «усиленное» питание получали только работающие, остальные иждивенцы получали половину – 300 граммов хлеба на день. А если в семье не было работающего, а всех мужчин забрали в трудовую, то приходилось совсем туго.

Что и говорить, у большевиков пропаганда была поставлена на высшем уровне. На плакатах рисовали фашистов с рогами. Так, по приезду в деревню некоторых немцев просили снять фуражки, шляпы, и деревенских жителей удивляло, что не было рогов. А когда им объяснили, что это другие немцы, без рогов, другой сорт просто, то они немного успокоились. Познакомившись же поближе, приняли как сограждан, делясь последним. Но это было скорее исключением из правила, – правила общей если не ненависти, то недоверия, неприятия, но все-таки скорее ненависти, ведь практически из каждой семьи кто-то воевал, а похоронки с фронта приходили регулярно.

Детям приходилось еще хуже. Сверстники забрасывали их камнями, плевали в лицо и всячески унижали. Дети могут быть жестокими. Так однажды забежали домой младшие девочки, обе зареванные, и заявили, что на улицу выходить больше не будут – их били чем под руку попадется, пинали ногами, обзывали фашистами...

Анна-Мария слегла окончательно и перестала есть, чтобы детям хоть что-то досталось. На своей жизни она поставила крест и зиму не пережила. Перед смертью она позвала Амалию и слабым голосом дала предсмертный наказ:

– Аля, Амалия, ты уже взрослая, остаешься и за мать, и за отца, заклинаю тебя, любой ценой, любой ценой, выживите...

Сноха Ирма, жена Карла, еще в пути следования вместе с сыном Эдуардом перебралась в вагон к своим родителям, который следовал с этим же составом, и они угодили в Новосибирскую область. Там власти ее в покое надолго не оставили и призвали в трудовую, откуда она так и не вернулась, пропала без вести. Ее сын, трехлетний Эдуард, сначала жил с бабушкой, матерью Ирмы, а после ее преждевременной смерти – где придется.

Мари-Катрин и ее муж Андрей перезимовали в деревне под названием Большая Речка, что в 5 км от Троицкого. Удивительно, но Андрея не призывали в трудовую до весны, до мая. Потом его депортировали вторично, вместе с Мари-Катрин. Их послали налаживать рыбный промысел в низовьях Енисея. Один раз перенести депортацию, как оказалось, для них только полбеда, даже учитывая потерю сына, а вот вторая – настоящая беда. Простая арифметика: полбеда плюс полбеда равняется беде! На старой-престарой посудине их сплавили вниз по Енисею. Эту дорогу перенести было ничуть не легче, чем первую депортацию. «Кто не работает – не ест», – любят повторять коммунисты, и не подозревая даже, что эта пословица – библейская цитата от апостола Павла. В пути следования не работали, понятное дело, и еды не давали. С собой взять им было тоже нечего, так голодными и прибыли в Дудинку. Рыбаком Андрей никогда не был, как и все его собратья по несчастью, большей частью женщины, прибывшие вместе, раньше или позже него, на место промысла в этот городок. Рыбы было навалом, но ее надо было суметь поймать, и не себе на пропитание, а организовать, наладить промысел. Из-за нехватки витаминов у обоих началась цинга, и эти молодые люди в свои двадцать с небольшим выглядели как глубокие беззубые старики.

Однажды случилась непогода, а это, разумеется, не было уважительной причиной для того, чтобы не выходить на промысел. Лодка, на которой Андрей Фукс и его товарищи ставили сети и собирали с них рыбу, на широком Енисее, при высокой волне, перевернулась, и все оказались в ледяной воде. Из шести человек экипажа лодки до берега не добрался никто. По счастливой случайности Мари-Катрин оставалась в этот день на берегу, на другой работе. Это произошло в августе, а в Енисее вода всегда либо покрыта льдом, либо ледяная. Этот очередной стресс не прибавил здоровья Мари-Катрин, и в психическом плане тоже.

Их председатель, из вольнонаемных, оказался редкой скотиной. Он очень любил «немецкий дэфочка». За хорошую разнарядку на работу он требовал от них дани. Попользовавшись сам, отдавал их дальше своим подчиненным, бригадирам и звеньевым.

Контингент здесь был в основном женский, их мужчин гораздо раньше призвали в трудармию, а потом, согласно следующему мудрому указу, призвали и женщин, но не к своим мужьям в подмогу, а куда попало.

Мари-Катрин хотя и повезло больше других в том, что она приехала сюда со своим мужем, да только уже стала вдовой. Ею попользовался этот председатель и отдал дальше.

Однако такие «развлечения» не освобождали от работы. Зимой ловля рыбы не прекращалась, ее ловили подо льдом, сетями. Для этого каждые 20–30 метров долбили лунки во льду, иногда достигавшем одного метра в толщину. При этом остаться сухим было совершенно невозможно. В лунки просовывали длинные шесты, за которые была привязана сеть, нередко 500-метровой длины, и таким образом заводили, а потом у берега через одну большую лунку вытаскивали сеть с рыбой. Председатель, хоть и был конченой скотиной, но слово свое держал, если ловили рыбу сверх плана – могли оставлять себе.

Во время ловли рыбаки стремились получить место в воде, там было теплее, чем вне ее. Вода плюс один-два градуса, а воздух минус сорок, да еще и с ветром. При выходе из воды одежда моментально замерзала и становилась колом.

Трудно представить, как можно было выдерживать такие условия изо дня в день. Многие умерли, очень многие, но были и пережившие.

Пользоваться услугами Мари-Катрин, невзирая на ее психическое состояние, стали все кому не лень. При этом, опасаясь подцепить вшей, раздевали догола и наслаждались по полной. Так, после очередного «наслаждения», Мари-Катрин, не одеваясь, направилась к могучему Енисею и утопилась. Было это в момент психического расстройства или, наоборот, просветления – остается загадкой. Спасать насильники ее не отважились, да и не посчитали нужным. В их распоряжении такого материала было достаточно. Таким образом, советским обществом была уничтожена семья, маленькая ячейка этого советского общества. А при другом раскладе, если бы этой семье повезло немного больше, сумей она выжить в эти годы лихолетья, у них бы могло родиться 6–7 детишек, если не Гриша-Миша-Леша, то Отто-Тимо-Бруно... Но не повезло.

Зато повезло насильникам Мари-Катрин тем, что обстоятельства ее смерти не дошли до Роберта.

Амалия

В сорок втором году вышел указ правительства о привлечении в трудармию женщин от 15 лет. Под этот указ попадали Амалия и Сильвия. Младшим грозило остаться одним.

Сначала у Сильвии забрали ее Нахтигальчика, его отправили на лесоповал в Иркутскую область. Как она это сумела пережить, как это сумел пережить он! Душевная травма, глубокий шрам через всю душу – это не сказать ничего.

Потом пришла очередь и Сильвии покидать сестер. Ее отправили строить Чуйский тракт, по которому случилось спустя много лет проехать Путину, ради поездки которого этот тракт подняли до соответствующего «европейского уровня», а также по нему прокатился и автор этих строк, ради поездки которого с трактом не сделали ничего.

Сильвия пробыла на этом строительстве долгих четыре года. Уже и война кончилась, а трудармии работали в прежнем режиме. В нечеловеческом.

Амалия, серьезная девушка, была таковой уже в свои 17, а год спустя стала вообще не способной улыбаться. Но это не портило ее строгую красоту, скорее наоборот – делало какой-то недостижимой, неприступной. Случилось так, что ее заметил один партийный работник, любитель женского пола, по фамилии Подопригора. Этот Подопригора был подобострастен по отношению к вышестоящим и такого же подобострастия требовал к себе от своих подчиненных. В голодную зиму сорок второго он и положил глаз на Амалию. Этот бастион приступом, в лобовую атаку, не возьмешь, отдадим должное его проницательности. И он решил взять его осадой. Сначала он помог семье перебраться из сарая в сносный дом и устроил Амалию на работу секретарем-переводчиком. Много немцев из советских нуждались в переводчике, а потом стали прибывать и военнопленные. Амалия была отличницей в школе. Осада продолжалась долго, и после очередного отказа его терпение кончилось, и он лишил ее всех «льгот». Это означало: нет работы, нет даже скудного пайка, возвращаться в сарай-сеновал и ждать повестки в трудармию. Младшие девчонки Эмма и Нелли останутся совсем одни...

Они и переехали в сарай, и снова началась голодная жизнь. Девчонки плакали и уговаривали Амалию помириться с начальником, они не имели представления, на что уговаривают старшую сестру... и та сдалась. Пришла сама к Подопригоре. А он ее восстановил на работе и снова вернул на прежнее место жительства. Кроме того, худо-бедно снабжал кое-какими продуктами. Он ей был настолько противен, настолько ненавистен, даже омерзителен, что она каждой встречи избегала всеми возможными и невозможными ухищрениями, благо работала в другом учреждении. У него так дурно пахло изо рта, что даже находиться с ним рядом было zum kotzen¹⁷, не говоря уже о поцелуях...

Итак, он был подобострастен по отношению к своим вышестоящим и пресмыкался как умел перед приезжающими из области. Был некто Никитин, один из помощников секретаря обкома, желая угодить которому, он и подогнал Амалию. Этот Никитин был вежливый, воспитанный человек, с изысканными манерами, но от его вежливости ее тошнило, его изысканные манеры вызвали чувство гадливости. Бедной девушке деваться было некуда, и она решила: лучше уж с этим, чем с тем. Она была очень красива, и иметь эту женщину было бы за счастье любому юбочнику. Никитин перевел ее в город Барнаул, но так просто она от своей «первой любви» не отделалась. Тот спустя год тоже получил повышение по службе, перебрался в город и не терял надежды на благосклонность, особенно после того, как с Никитина за какую-то провинность сняли бронь и отправили на фронт. Она могла тоже потерять работу и, соответственно, бронь от трудармии со всеми вытекающими обстоятельствами, поэтому пришлось снова оказать благосклонность Подопригоре. К тому времени, правда, он избавился от пар-

¹⁷ До рвоты, тошно.

донтоза, а вместе с ним и от неприятного запаха изо рта, но это его не сделало привлекательней для Амалии, он был по-прежнему ненавистен, противен и омерзителен. От безысходности ей порой хотелось выть, нет ни одного мужчины в целом свете, который способен защитить ее от этого монстра. Так думала она.

Роберт не знал, о чем она думала. В это время он руками ловил рыбу из озер, образованных Уралом, охотился на сайгаков, ходил на работу на соляные копи, и если не наслаждался жизнью, то находил ее вполне сносной и немного позже вообще начал ублажать свою плоть.

Таким образом, остаток некогда большой и дружной семьи с горем пополам пережил войну. Эмме исполнилось 15 и ее могли тоже забрать в трудармию, Амалии опять пришлось быть благосклонной к Подопригоре, и Эмме уменьшили возраст на год. Если детьми Эмма и Нелли были почти одинаковыми, то, взрослея, они все больше и больше отличались друг от друга. Нелли была подвижная, предприимчивая девчонка, а Эмма была замкнутой, даже скучноватой... Как начало прибывать мужское население с фронта, у Амалии появился один дыхатель, бравый вояка, слегка контуженный Семиуглов Петр, который готов был каждый день сделать ей предложение руки и сердца, но этот Подопригора не давал ей устраивать свою личную жизнь, так как имел сам виды на нее, о чем ей недвусмысленно дал понять, и она всякий раз останавливала своего ухажера. Она готова была сбежать со своим фронтовиком куда глаза глядят, но девчат же не бросишь, да и он ей не предлагал убежать, так как капитально обосновывался в городе. Ему выделили комнату в коммунальной квартире, а это немало. Фронтовики и спустя 60 лет после победы далеко не все получили квартиры за свои фронтовые заслуги.

Сильвия и Нахтигаль

Сильвия Шмидт и Александр Нахтигаль были неразлучны с первого класса. Их посадили за одну парту в самый первый день учебы, и они так просидели вместе семь классов. Учеба была для них делом десятым, и оба в этом особо не преуспели. Они наслаждались общением друг друга. Поначалу парочку дразнили женихом и невестой, но их это ничуть не обижало, а наоборот, даже нравилось. Спустя какое-то время все родные и знакомые поняли, что это всерьез и надолго и совершенно неизлечимо. Их сверстники, подрастая вместе с ними, втайне стали завидовать. Сильвия любила покомандовать, Александр с удовольствием исполнял любые ее капризы. Случалось – и дрался, а если потасовка случалась при ней, то противникам приходилось туго – Сильвия вступалась и могла лицо расцарапать... Несмотря на то, что в их пятнадцать лет это была все же еще детская любовь, но было ясно, что до гроба. Они ни разу не поссорились за всю свою жизнь. Ее слово было законом и никогда не только не выносилось на обсуждение, но даже не ставилось под сомнение. Он был рыцарь, она – дама его сердца в самом буквальном смысле этого понятия.

В ее доме Александр проводил больше времени, чем в своем собственном, благо жили через огороды. Она же приходила к нему домой как к себе. Будущая свекровь приняла ее и называла уже дочкой, а та всегда была готова помочь по хозяйству или заставить помочь своего Соловейчика, если требовалась мужская рука.

В свои 15 лет они уже были вполне зрелые, но безудержной страсти друг к другу не питали. Они осознали, что сначала женитьба, а потом все остальное, и поэтому дальше невинных поцелуев дело не заходило. Им и не составляло особенных усилий сдерживать свои порывы и эмоции.

Была ли она красивой? Об этом Александр никогда не задумывался и не считал важным. Для Александра Сильвия была эталоном, и если люди считали по-иному, значит, они заблуждались. Если кто-то думал иначе, у того проблемы со вкусом и неправильно развито чувство прекрасного.

К слову, анекдотец по теме. В тюрьме сидят преступники, сначала случайно осужденные, потом – мелкие преступники, шантрапа, далее опасные, еще далее самые опасные, и в самом конце – Он. Так и Сильвия, по красоте она одна была на вершине пирамиды.

Был ли он достаточно хорош для нее? Этот вопрос ни разу не посетил ее прелестную головку. Подобные сомнения и для нее все равно что ставить под вопрос, хочу ли иметь братом этого брата или отцом именно этого отца. Лишь друзей можно выбирать, а родственники – это приговор. Он был больше чем родственник, он был частью ее сущности. Лишиться его равнозначно удалению важнейшего, жизнеобеспечивающего органа своего организма, важнее руки или ноги, например, сердца или головы. Это же был ее *Nachtigalchen*, Соловейчик, Соловушка.

Когда им было по 10–12 лет, она ему сказала, шутливо упрекнув руки в бока, как это иногда делала его мама: «Как это так: ты Соловей, а мне не поешь песен?!»... Он принялся осваивать аккордеон с завидным усердием и стал петь ей. Надо сказать, что в этом занятии преуспел. Она готова была часами слушать его игру еще со времен пиликания, когда он только разучивал гаммы и аккорды, и ее приводил в неподдельный восторг любой его маленький, самый незначительный успех на этом поприще.

Если у Александра отлетит пуговица на рубаше или порвутся штаны, он с этой проблемой обращался не к матери, а к Сильвии. А она была бесконечно рада стать ему полезной.

Поначалу она была не особо умела с этим шитьем, штопкой, стиркой или глажкой, но быстро научилась, и он с восхищением наблюдал, как она теперь проворна.

Они охотно играли с ее куклами, даже немного повзрослев, и выступали в роли мамы и папы. В компании других детей особо не нуждались, им двоим в принципе не могло быть

скучно. Нет, они не избегали общества других детей, не сторонились, если к ним примыкал кто из них, а охотно принимали. Но сами этого общества не искали, и если даже подолгу не было рядом других детей, дефицита общения они не ощущали.

Когда он, следуя ее капризу, а капризной она в общем-то не слыла, что-то выполнял, пусть даже совершенно пустое дело, его спрашивали «зачем?». Он отвечал, что это надо Сильвии, а значит – законно, и вопросы целесообразности и нужности не уместны.

Он звал ее Сильвия и никак иначе, так как не было другой достойной альтернативы самому имени Сильвия. Если бы он встретил другую девушку с этим именем, посчитал бы кошунством, посягательством на право Сильвии, на монопольное право иметь это имя.

Когда случилась депортация, его родители не возражали, что он поедет с семьей Шмидт. Однако власти умышленно старались разбивать семьи. Но они были еще дети, не имеющие паспортов, разве что свидетельства о рождении; в такой суматохе документы предъявляли только взрослые. Семья Нахтигаль, его мать и отец, знали, что он без них обойдется, а без своей Сильвии – нет.

В эти такие воздушные, невесомые, розовые отношения влюбленных реальная жизнь военного времени, времени депортации целого народа, внесла свои коррективы черной краской, приземлила многотонными, неподъемными указами партии, руководства страны, в которой они вместе со всем своим народом превратились в изгоев.

Будто бы одно быдло пришло в грязных кирзовых сапогах в театр и заняло центральную ложу. Но и этого ему оказалось мало, и быдло поперлось на сцену, где отменило идущий классический спектакль, скажем «Ромео и Джульетта», и стало ставить свой, в котором главными героями и были эти грязные кирзовые сапоги или их обладатели, что сути дела не меняет.

Они вместе пережили смерть ее мамы. В трудармию его забрали весной сорок второго. В момент разлуки у нее случилась истерика. Для нее это было сравнимо с концом света, Армагеддоном.

Он тоже не смог сдержать слез, как ни старался. Если бы не разлука, им и война бы была нипочем, даже голод был всего лишь маленьким дискомфортом.

Его забрали у нее весной сорок второго, и они не виделись четыре года. Он выжил в трудармии только потому, что обещал ей вернуться, другого стимула к жизни и не было. Особенно после того, как его пнул конвоир, да так «удачно», что отбил напрочь все его мужское достоинство. А пнул только потому, что в этот момент Нахтигаль присел. Ни за что, ради удовольствия, чтобы поржать.

Новая жизнь

Балапан уже больше года находился в казахской семье, которая к тому времени окончательно оставила кочевую жизнь в юртах и переехала в дом в небольшом поселке Индербор, что на берегу реки Урал. Здесь все работали на добыче соли, в том числе и дети. Колхозные стада изрядно поредели, выполняя планы мясозаготовок, и не было больше нужды в летних выпасах. Что поделаешь, трудное время, война, все мужчины от 18 призваны в армию.

Апашка первым родила Рыскула, на которого уже получила похоронку, второй сын у нее родился мертвым. После – дочь Алия, которая была замужем и жила в Караганде. Балапан так ее ни разу и не увидел.

Потом родился мальчик, но умер, не дожив и до месяца. Из последующих двух погодок сыновей, сначала забрали Рыспека, а через год и другого, Куныша, спасителя Роберта, с которым их связывала тесная дружба. Расставание было особенно болезненным как для Роберта, так и для Апашки, ведь это был последний сын, из рожденных ею.

В отличие от Апашки, которая к Балапану относилась по-особому, не так как к остальным детям, Кабук не был особо нежен к нему, но и особо груб тоже. Он обращался с ним как и с остальными своими детьми, и это было признаком того, что он принял его.

Похоронки на обоих сыновей, Рыспека и Куныша, Апашка получила почти одновременно. Бедная женщина потеряла всех сыновей, и Балапан стал ей особо дорог. Ему исполнилось уже 17 лет, а война все не кончалась, и она очень опасалась, что у нее заберут и его. Она через родственника-врача, втайне от Роберта, на всякий случай сделала ему бумагу о его невменяемости, психическом расстройстве, и военкомат его не трогал.

Подрастали и младшие девчонки. Старшей, Асимгуль, исполнилось 15 лет. Она превратилась в красивую смешливую девчонку с начинавшими образовываться формами. Ее младшая сестра, Айжана, полутора годами моложе, была еще угловатым ребенком. Самая младшая, которая была не дочкой, а внучкой Апашки, но это ей не мешало называть Апашку Апашкой и считать ее матерью, тоже подросла. Следуя обычаю казахов, Рыскул тоже отдал первого ребенка своим родителям на воспитание. Он и сам воспитывался в семье Кабука. Это и была дочка старшего сына Рыскула, и звали ее Динара, ей исполнилось 10 лет. Как-то сидя за чаем, она спрашивает:

- Апашка, а это правда, что раньше было по три жены?
- Правда, только у зажиточных, кто мог всех троих прокормить, тот и имел три жены.
- А Балапан зажиточный?
- Может, и зажиточный...
- Балапанчик, когда я вырасту, ты женишься на мне?

В ответ все рассмеялись, а она обиделась. Масла в огонь подлила еще и Асимгуль:

- Ты слишком сопливая, чтобы он на тебе женился. Он женится на мне.
- А когда ты умрешь, он женится на мне, – не унималась та, – я же донашиваю твои старые платья...

Апашка встала:

- Так есть же еще Айжана, сначала ее очередь.
- А она не хочет.
- Как это не хочу, еще как хочу, – вступила в разговор Айжана.
- Ну вот, без меня меня женили, – заметил довольный собой Роберт.

Апашка встревожилась было, но потом решила, что это детская любовь пройдет со временем. «Вот у нас всех странное соревнование, кто больше любит Балапана...» – подумала она.

Так одним из долгих зимних вечеров они сидели дружно все вместе, непринужденно болтая. Кабук был в очередном загуле, но в этот раз его особенно долго не было дома. На сле-

дующий день привели его коня, которого нашли стоящим возле тела замерзшего хозяина. В очередной раз напившись до бессознательного состояния, он упал с коня, чего не наблюдалось за ним никогда, в том числе и по пьянке. На ногах стоять не мог, но если забрался в седло, то держался в нем как привязанный. Но вот... вывалился из седла и так глупо погиб. Фронт все требовал и требовал мяса, и не только пушечного. Отары заметно поредели, но мяса в виде сайгаков было еще много, большие стада ходили по бескрайним степям, и периодически организовывались охоты на них. На «Захаре Ивановиче», трехтоннике «ЗИС», отправлялись по пять-шесть человек с ружьями. Они стояли в кузове и стреляли на ходу. Сайгаки очень быстрые животные, и надо было давать газу, чтобы их догнать. Роберту досталась старая двухстволка шестнадцатого калибра, из которой гильзы не вылетали после выстрела, в силу износа ствола, их надо было вытаскивать с помощью подручных средств, отвертки и т. п. Представьте, во время охоты, какой бы ни была ровной степь, машину изрядно трясет, и она все время подпрыгивает на кочках. В это время надо стрелять в стремительных сайгаков. Раз выстрелили, промазал, второй раз – тот же эффект, и теперь перезаряжать. Пока вытащишь пустые гильзы из ствола, сайгаков уже и след простыл. У других ружья были получше, худо-бедно машина не приходила обратно пустой. Мясо сайгаков, или на профессиональном жаргоне «сайги», заготавливали зимой, чтобы хранить в холоде, да и сайгаки сбивались в более крупные стада, что упрощало их обнаружение.

Из Роберта стрелок был не ахти какой, и ему все чаще доверяли руль. Так он и освоил профессию шофера.

Устраивалась охота и на степных лис, корсаков. Эти животные активны в сумерках и ночью, их выдавали отражающие свет фар глаза. Где-то вдаль заметили два таких огонька, дали газу и уже впереди мелькает убегающий корсак. Зимой у них красивая шкура – пушистая, коричневого цвета, с мехом средней длины, с бело-седым отливом, и густая-густая... Роберт добыл одну такую шкуру. Гоняли много корсаков, он сидел рядом с водителем и стрелял из своего старого ружья с проблемной перезарядкой, высовываясь из окна. Вот с горем пополам подстрелил одного. Шкуру подарил Апашке, та пришила ее к пальто на воротник и носила с гордостью.

Степь не лес, здесь не так легко можно заблудиться... а в некотором смысле еще легче.

Прошел слух, что девять человек из села Макат, гоняя сайгаков, на полном ходу залетели в поперечину, и у машины оторвало привод к мосту. Сначала они сожгли всю резину, потом и всю машину, а когда костер погас, замерзли насмерть. Их нашли лишь спустя месяц...

Взросление

Балапан превратился в стройного юношу, и на него стали заглядываться девушки. Поначалу он особого интереса к ним не проявлял. Там, где он трудился, работали преимущественно женщины, да что там преимущественно, практически исключительно женщины, если не принимать во внимание пары подростков и одного старого деда-сторожа. Война наконец-то закончилась, но мужчины как-то не спешили возвращаться домой. Многие женщины овдовели в самом расцвете сил, продолжали ждать своих мужей с войны, надеясь на чудо. Но чудо случалось чрезвычайно редко и если... то где-то всегда в другом районе, далеко, что не вселяло надежду на явление подобного чуда у них.

В Индерборе же все, получившие похоронки, так и не дождались своих отцов, мужей, сыновей. Или почти все.

В отделе кадров работала всеми уважаемая Динара Умутбековна, женщина тридцати пяти лет, которую все называли исключительно на «Вы». Она собственно и заведовала этим отделом, и кроме нее в нем никого не было. Она жила одна в просторном доме, в котором некогда кипела жизнь. Получила похоронку на мужа еще в 43-м, а дочь утонула в Урале в этом же 43-м году, в возрасте тринадцати лет.

Динара попросила Балапана помочь передвинуть комод. Мимоходом отмечу, что за прошедшие годы Роберт освоил казахский превосходно, а в русском, если и был у него акцент, то скорей казахский, чем немецкий.

Он пришел к ней вечером и сразу хотел приступить к делу. Но хозяйка объявила, что комод подождет, усадила пить чай, достала две стопки и налила водки Балапану и себе. Он отказывался было пить, по части спиртного не приобрел еще никакого опыта. Самый крепкий напиток, который он пил до сих пор, был кумыс. Она зацепила его: мол, нельзя тебе, маленький еще, – и Роберт выпил. Разум он от этого не потерял, как можно было бы ему опасаться, имея такой отрицательный пример, как Кабук. Тут Динара встала напротив Балапана, который оставался сидеть за столом, и принялась медленно расстегивать кофточку, пуговица за пуговицей, которых был целый ряд плотно расположенных друг к другу, сверху донизу. Роберт следил за этой процедурой как привороженный, не мог оторвать глаз. А когда она закончила, сняла кофточку совсем и осталась стоять перед ним нагая по пояс. У нее были невероятно большие груди, каждая из которых, верно, величиной с голову Роберта, если не больше, и каждую из которых венчал большой соблазнительный сосок. Если бы она была нашей современницей, никто бы не поверил, что тут обошлось без силикона.

Роберт почувствовал ком в горле, а она притянула его голову и уткнула между своих грудей. Затем подняла его со стула. Он покорно встал, а сама опустилась так же медленно на колени, расстегнула ему штаны...

Он ушел под утро. Ассоциация, возникшая у него после этой ночи: Tierisch gut, в переводе на русский еще более подходит по смыслу, чем по-немецки. Зверски, или по-животному хорошо. Впоследствии он назвал эти отношения «орал-анал-канал-манал».

Проснувшись дома ближе к полудню, он во время умывания задержал свой взгляд в осколке зеркала, что висело над умывальником, долго рассматривал свои черты... и плюнул в свое отражение.

По природе своей мужчины не так склонны откровенничать о своих любовных приключениях, как женщины. Нет, они, конечно, горды своими победами, хотя не всегда это победы, иногда даже поражения, как в случае с Робертом. Но они не делятся друг с другом подробностями, как женщины, а констатируют лишь сам факт – поставили галочку и на этом все. Но женщины... – нет. Они не могут держать все внутри себя. Как приключения, которыми можно гордиться, так и наоборот, как плохое, так и хорошее, у них просится наружу, и они если уж

кому-то доверились, то расскажут во всех подробностях и деталях, в том числе и о постельных «принадлежностях». Добавочный стимул к таким рассказам – желание возбудить зависть у подруг, что нередко требует и приукрасить события. Однако Динаре в откровенной беседе с подругой придумывать ничего не пришлось, так как все свои фантазии она уже воплотила в действительность. А подруга ее была на пять-шесть лет помоложе, «пышная во всех отношениях» Катя, коллега по работе в конторе их предприятия. В ней она и возбудила зависть.

Динара сама не рассчитывала на долгие отношения с Балапаном, ей нужен был мужчина, не мальчик. И она нашла такого мужчину из числа командировочных. Рядом с Индербором проводили высоковольтную ЛЭП. Вот ей и приглянулся бригадир Иван, здоровенный детина. Позже этот Иван сыграет определенную роль в жизни Роберта, поэтому стоит познакомиться с ним поближе. С «редкой» фамилией Сидоров, под стать «очень редкому» имени, это был человек уравновешенный и добродушный, вверенной ему командой управлял с завидным умением и сам от работы не отлынивал, хотя мог бы как бригадир.

Их городок, состоящий из временных жилых вагончиков, частично на колесах, разместили на окраине поселка, и руководство поселка обязали оказывать всяческое содействие. А поскольку соледобывающее предприятие было если не единственным, то градообразующим предприятием в городе, бригадир часто приходилось обращаться за разными мелкими и крупными надобностями. Война хотя и закончилась, но дефицит был на все: на топливо, смазочные материалы, запчасти, а особенно на рабсилу. Так Динара Умутбековна и одолжила Роберта в бригаду Ивана, убив сразу двух, если не трех зайцев. Она последний раз пригласила его к себе. Надо сказать, что он всячески избегал встреч с ней. Ему было стыдно смотреть в ее бесстыжие глаза. Но она его все-таки затаскивала еще пару раз в свою постель. И каждый раз наутро он с содроганием смотрел на свое отражение в зеркале, но плевать в него уже перестал. Так, когда она предложила ему работу в бригаде Ивана, он не обрадовался, как она ожидала, но предложение принял, как и велосипед, который она извлекла из своего сарая и предоставила ему в распоряжение, чтобы он мог ездить на новую работу – пешком было далековато. Ему пришлось «отработать» в последний раз за велосипед, и она как эстафетную палочку передала его Кате, пышной во всех отношениях, которая имела дочку, но на время свиданий отсылала ее к родителям. Фигура этой Кати была весьма выдержана в пропорциях, хотя и самую малость *Übergewichtig*¹⁸, это ей нисколько не мешало. В отличие от Динары, у нее была вполне пропорциональная грудь, по отношению к остальной части ее самой. Роберт даже слегка увлекся Катей, во всяком случае не избегал ее, как в свое время Динару. Она не была такой умелой в постели, как прежняя, хотя поначалу пыталась в самых извращенных формах наслаждаться Балапаном. Но оральный секс ей удавался не очень хорошо, при этом мероприятии Динара как бы надевала на зубы свои губы, и зубы не касались тончайшей пленки нежного «мальчика». Катя этому не была обучена – и во время первой ночи зубами невольно повредила эту нежную пленку. Балапану такое не понравилось, и он ее притязания на это дело оставил до лучших времен.

Такие отношения не имеют ничего общего с любовью, но почему-то это принято так называть. Эти две женщины разбудили в Роберте полигамные чувства, может быть, так же они сделали его более черствым, чем он был по природе.

¹⁸ Избыток веса.

Смерть Фроинда

Помня наказ отца, Роберт все порывался восстановить свое имя. Апашка сделала ему документ на имя Дюсингалиев Роберт («Балапан» – все-таки не прошло), а в графе национальность написали по ее просьбе «татарин», но не из крымских татар, тоже депортированных, а из другого «джуза», как она называла, из астраханского. С восстановлением пришлось еще повременить, она привела такой аргумент: «Немцев с пятнадцати лет забирают в трудармию, и тебя тогда привлекут за уклонение». Она руководствовалась не личными интересами, удерживая его в своей фамилии, нет, исключительно ради него. Роберт работал уже некоторое время на строительстве ЛЭП, в бригаде под руководством Ивана Сидорова. Работы на этом участке завершались, а их перебрасывали дальше. Иван уговаривал Роберта остаться в бригаде и ехать с ними дальше. Он и хотел бы, ему уже давно не сиделось на одном месте, но такой аргумент – Фроинд – удерживал. Он превратился в старого, слепого пса, целыми днями лежащего либо на солнце, либо в тени, греющимся или прохлаждающимся в ожидании своего хозяина, которого чуял своим звериным если не нюхом, то инстинктом, за несколько верст. Задолго до появления Роберта Апашка по поведению Фроинда определяла, что сейчас появится Роберт, и начинала накрывать на стол. Роберт зарабатывал какие-то деньги и добросовестно все отдавал в семью. Себе оставлял мелочь, которую тратил то на бутылку вина, то на безделушки, типа бусы и серьги для девочек из семьи. Как и Апашке, он не забывал делать им подарки и получал огромное удовольствие от нескрываемой радости получающих эти подарки.

Так, в очередной раз, после ночи у Кати, Роберт сразу поехал на работу и, вернувшись вечером, был обескуражен и потрясен страшным известием, о котором ему сообщила на улице маленькая Динара. Она поджидала его на улице и рассказала, как сама поняла, что с Асимгуль случилось несчастье. Асимгуль сидела на стареньком ковре, спиной ко входу, когда вошел Роберт, и скулила. Апашка безуспешно пыталась ее успокоить. Роберт тоже подошел и хотел положить ей руку на плечо, выразить сочувствие. Асимгуль подскочила как ошпаренная и с визгом закричала:

– Не прикасайся ко мне, я нечистая, я грязная, я порочная...

– Да ну... что ты, Асимгуль, – пытался утешить Балапан, но не находил нужных слов.

Когда Роберт спросил насчет заявления властям, Апашка сказала, что приходил старший брат насильника и пригрозил, что не вздумай заявлять, мол, что у тебя две другие дочки подрастают...

– Я этому козлу башку отрежу, – решительно заявил Роберт, перепугав не на шутку всех обитателей дома. Даже Асимгуль забыла про свое несчастье и умоляла не делать этого.

– У них кровная месть. Они тебя убьют, Балапан... Не надо, во имя всего святого не надо... Пообещай мне, что не будешь мстить... Мы переживем, время вылечит... Если тебя убьют, я этого не переживу, сойду в могилу, а как же девочки? Подумай о них! Гнев – плохой советчик. Их накажет Аллах... – такую тираду произнесла Апашка. Роберт заверил ее, что не сделает этого во гневе.

– А где это произошло? – спросил он и, услышав в ответ, что недалеко от дома его Кати, он уточнил: – А что ты там делала одна так поздно?

– Следила за тобой, – вместо Асимгуль ответила Апашка.

Теперь Роберт считал себя напрямую виноватым в случившемся. Он действительно поклялся отомстить насильнику и стал тщательно обдумывать план возмездия и отслеживать обидчика.

Прошла неделя, в течение которой он попросил разрешения жениться на Асимгуль, но получил отказ от ее матери, мотивированный тем, что теперь она за него не пойдет. До этого случая была бы самой счастливой, но теперь не пойдет...

Прошла еще неделя. Началась третья, которая ознаменовалась тем, что умер Фроинд. Утром Роберт нашел его мертвым, в трехстах метрах от их дома – дальше, видимо, не смог уйти. Вечером попросился на улицу, лизнул руку Роберта, а когда тот наклонился к нему, лизнул в лицо и вышел из дому, со двора. Как оказалось, так он попрощался перед смертью.

Смерть друзей не бывает вовремя, но у Роберта руки теперь были развязаны, и он согласился на предложение Ивана остаться в бригаде и кочевать с ней дальше, на другие участки строительства ЛЭП. Апашка из предосторожности стала держать берданку под замком и попрятала все кухонные ножи, но она забыла об опасной бритве, которой брился когда-то Кабук и которая так и осталась около умывальника. Тут же был оселок и натянутая кожаная шкурина, кусок ремня, о который Кабук ловкими привычными движениями вперед-назад, при этом переворачивая лезвие, «доводил» бритву. Она была всегда острой, как и подобает бритвенной принадлежности, и хотя ею давно никто не пользовался, оставалась таковой. Роберта удивляло, как Кабук умело управлялся с нею, бреясь левой рукой, когда не был пьян. Нетрезвым он о ней не вспоминал. Этой же бритвой Кабук в свое время обрезал Балапану «крайнюю плоть». Но не ради обращения его в мусульманскую веру, а ради гигиены, потому что у Балапана началось какое-то воспаление, и, заметив это, Кабук поступил радикально. Сам Балапан пробовал было брить свой пушок на лице этой бритвой, но при этом все время получались порезы. Теперь он принялся доводить бритву, удалять появившуюся местами ржавчину, отшлифовал лезвие, и бритва была «острее бритвы».

Накануне решающей ночи ему приснился Куныш, который его не упрекал ни за что, нет, а просто загадочно улыбался, что, мол, за Апашкину юбку опять можно спрятаться, как уже было однажды. Он улыбался Балапану и что-то говорил, но как бы на иностранном языке, то ли на немецком, то ли на одном из кавказских языков, или на нескольких сразу...

В один прекрасный, или не очень прекрасный, вечер солнце медленно опускалось за Уралом, медленнее, чем хотелось бы Балапану, окрасив редкие облака в необычайно багряный цвет, краснее, чем обычно. Когда эти краски пожрала темнота, когда ночь вступила в свои права, когда по небу рассыпались бесчисленные мириады звезд, но без луны, Роберт все сидел укрытый тенью развесистого карагача и ждал жертву. Упорно ждал, уже которую ночь. Наконец, появился тот, кто был ему нужен. Роберт, всматриваясь в темноту, скорее угадал, чем узнал силуэт Сейфуллы, когда тот распрощался с компанией и пошел домой. Он брел не спеша, покуривая папиросу, очевидно, довольный собой. Когда Сейфулла прошел мимо дерева, в тени которого укрылся Роберт, последний, поспешно оставив свое укрытие, нагнал насильника Асимгуль, подойдя к нему сзади.левой рукой ухватившись за кучерявую шевелюру, рывком отклонил голову назад и молниеносно провел бритвой по горлу. Из раны фонтаном хлынула кровь, Сейфулла упал навзничь, пытаясь закричать, но вместо этого из раны с бульканьем вышел хрип. Он еще немного подергался в агонии и затих. Роберт тупо смотрел на него и не мог отвести глаз от содеянного. Кровь уже не фонтанировала из раны, но еще лилась и заполнила весь тротуар, на котором лежал поверженный обидчик. Балапан даже сумел удивиться тому, что в одном человеке может поместиться столько крови...

Роберт не знал, что теперь делать, пока слабый шум извне не вернул его к действительности. Кто-то приближался к месту преступления, и он поспешно ретировался. Домой он пришел, все еще держа раскрытую бритву в слегка оттопыренной руке. Апашка увидела его, и ужас застыл в ее глазах. Она сразу все поняла:

– Балапан-Балапанчик, что ты наделал?.. Ой бой, ой бо-ой...

Она увидела, что его рубаха в крови. Быстро стянула ее, надела на него другую. Он пребывал в некотором шоке, но она быстро привела его в чувство. Собрала все его пожитки и отправила на велосипеде к Ивану Сидорову с тем, чтобы тот его отправил еще дальше. По прибытии в бригаду Роберт рассказал все как есть Ивану, который, помолчав, ответил: «Лучше бы я этого не знал, но ты поступил как мужчина!»... – и отправил Роберта на их будущий

объект. Выделил ему выдавший виды старенький «ЗИС», трехтонник, который уже был готов к переезду, и Роберт тронулся в путь.

Родня Сейфуллы, обнаружив его труп, долго искали Роберта. Землю зубами грызли, но не нашли. Апашке сказали, что как только найдут его, разрежут на маленькие кусочки. Но из женщин никого не тронули. Джигиты.

Кумыс Дюсингалиева прилагала немалые усилия в поисках родных Балапана. Она не давала покоя своим родственникам, которые выяснили для нее, что баржа с командиром Нечипуренко до танкера не дошла, что ее следы затерялись в Каспии, а это порождало самые страшные предположения. Эшелон с родными Балапана был расформирован в Алтайском крае. Апашка писала письма, делала запросы и, наконец, получила адрес Амалии Шмидт. Она написала Амалии, но письмо пришло обратно, «адресат выбыл»...

Такое было состояние дел на момент вынужденного бегства ее Балапанчика. Она не посвящала его в переписку, чтобы не возбуждать ложных надежд, но теперь, когда ему пришлось срочно скрыться, она ввела его в курс дела. У Роберта был адрес: Алтайский край, село Троицкое, улица Максима Горького, дом 2, в котором до недавнего времени проживали под надзором НКВД, «под комендатурой», его родные. Роберт добрался до нового объекта на машине, которую ему выделил бригадир, но оставаться на месте больше не мог и рванул в Барнаул. Это была уже какая-то зацепка. Там, откуда уехали его родные, остались соседи, друзья или кто-нибудь, с кем, возможно, они поддерживают связь, или они знали новый адрес. Амалия была не только умной и красивой (что само по себе уже перебор), она была еще и мудрой. Она знала, что половина ее семьи кто где и рано или поздно оставшиеся в живых будут искать своих. Новый почтальон, который только что приступил к своим обязанностям, по причине отправления на пенсию старого, слишком формально отнесся к своим обязанностям. Мог бы спросить любого по соседству, ему бы подсказали адрес, куда перенаправить письмо Апашки, но он этого не сделал, а предпочел отправить письмо обратно.

Снова в бега

Но переместимся на пару тысяч километров на северо-восток, пешком не каждому смертному это расстояние по плечу; с помощью поезда этот путь займет неделю, учитывая приоритетный поток грузов на запад, «все для фронта, все для победы»... но стоп, война уже кончилась, значит, не учитывая приоритетный поток грузов, который приходилось бы пропускать, стоя в ожидании зеленого света на разъездах; самолетом это путешествие заняло бы пару часов; если путешествовать со скоростью света, это расстояние можно преодолеть за время, значительно меньше секунды, но все же за какой-то отрезок времени; а для мысли времени не надо совсем, раз – и в дамках, мы уже в Алтайском крае. Туда направился Роберт, он отправился поездом, а мы его опередим.

На месте, где должна была находиться вся семья, были только Амалия, Эмма и Нелли, но и они были не совсем на месте, не в Троицком, на улице Максима Горького. Они переехали в Барнаул. От Сильвии они получали редкие письма, порядочно выпачканные тушью (цензура), из которых следовало что она и ее Нахтигальчик живы, что она строит свой Чуйский тракт, а он работает парикмахером, как он шутил сам, елки стрижет. За четыре года им так и не привелось свидеться, и теперь они с нетерпением ждут встречи, возвращения домой, в семью и соскучились по всем невероятно.

О смерти сестры Мари-Катрин и ее мужа Андрея они получили официальное извещение, а о судьбе Карла им стало известно благодаря письму Адольфа, которое вручил лично в руки Эмме посланный им человек, так как она одна оказалась на месте в это время. Там находился и приказ о награждении Пантелеева за предательство, подписанный вездесущим Нечипуренко, и сообщение о том, что Пантелеев получил по заслугам. Об Ирме, жене Карла, и их сыне Эдуарде не было известно ровным счетом ничего. Анна-Мария Шмидт, в девичестве Циглер, не пережила первую военную зиму, а об отце семейства, Эмиле, читателю уже известно, но им самим – еще нет. Балапан-Роберт прибыл в Барнаул, пересел в другой поезд и проехал до Троицкого. Там отыскал нужную улицу, и, узнав кто он такой, соседи приняли его радушно. Было уже поздно, поезда в Барнаул в этот день больше не было, и он остался до утра у гостеприимных хозяев. Он не мог заснуть от нетерпения и грезил предстоящей встречей. Наконец, утро, и он в поезде, вот и Барнаул.

С замиранием сердца постучал в дверь, показалось, что звонок не работает. Дверь открыла Амалия!

– Роберт!!! – воскликнула она после продолжительной многозначительной паузы, связанной с внимательным вглядыванием в едва узнаваемые, но такие родные черты лица.

Она бросилась к нему на шею... На шум из глубины комнаты прибежали Эмма и Нелли. Тоже прилипли к нему. Потоки слез были неудержимы, в том числе и у Роберта. Представьте, три молоденькие женщины все время войны, в борьбе за выживание предоставлены сами себе, горечь утраты матери, сестры, брата... и неизвестность, неопределенность. Оставалась одна молоденькая женщина и двое детей, теперь уже повзрослевших чуть-чуть, но еще детей. Ни одного мужчины рядом, который мог бы защитить, а в защите они нуждались до сих пор, и с появлением Роберта, с возвращением его из небытия они обретали фундамент, основание, на которое можно опереться. Первый вопрос Роберта был к обеим младшим сестрам:

– Конопушки ваши где?

Они сидели и разговаривали-разговаривали и не могли наговориться, смотрели друг на друга и не могли наглядеться. Когда эмоции немного улеглись, а они не могли улечься более недели, постепенно вернулись к повседневной жизни.

Амалия взялась сделать Роберту документ, тем более что свидетельство о рождении его сохранилось, и это оказалось не так сложно, через Подопригору. Она Роберту рассказала все

и добавила, что, мол, отдалась за булку хлеба. Другой, может быть, и осудил бы, но не Роберт. Он сказал ей на это:

– Амалия, Аля, ты святая, даже не смей терзать себя. Спасибо тебе за моих дорогих девчонок, ты такая хрупкая, молодая и неопытная сумела выжить не только сама, но и их сохранить. Ты видишь, что сделалось с нами всеми? Если бы не ты, куда бы я теперь приехал? Это я там жировал, а вы здесь голодали, я там баклуши бил, развлекался охотами, рыбалками и... по другой части, а вас тут изнуляли работой, морили голодом и насиловали... Это меня должна терзать совесть, это... это...

– Ладно, Роберт, ты же был совсем мальчиком, когда все это началось, тебе тоже пришлось через многое пройти.

– Мои страдания по сравнению с вашими – ничто.

– Но теперь при нас есть мужчина и мы за тобой как за каменной стеной. У меня такое чувство, будто бы после такого долгого напряжения всех моих душевных и физических сил, теперь такая *Entspannung*¹⁹... А знаешь, что у меня есть бутылка вина, давай выпьем, в первый вечер я о ней и не вспомнила, но теперь... конец всем моим духовным и физическим мукам.

И Роберт стал постепенно втягиваться в повседневную жизнь, приспосабливаться. Она дала слово себе и Роберту, хотя он и не просил ее об этом, больше ни за какой надобностью не обращаться к Подопригоре, но тот не оставлял ее в покое. Поставили под вопрос проживание в квартире, создалась угроза лишения всех прочих благ.

Петр Семиуглов не на шутку влюбился в Амалию, да и та испытывала к нему ответные чувства. Он предложил-таки Амалии руку и сердце, несмотря на ее упорное избегание этого официального момента, и ждал ответа уже несколько недель. Амалия не могла ответить «нет», но и «да» ответить боялась. Так дальше продолжаться не могло. Такая тыловая крыса, как Подопригора, любого фронтовика сомнет, если тому вздумается стать на его пути. Поэтому Семиуголова в дело не посвящали, чтобы не создавать ему неприятности.

Однажды, когда Подопригора был особенно настойчив, Роберт, наблюдавший за ним периодически, «показал ему зубы», то есть вежливо попросил его отстать, забыть про сестру, но тот от такой наглости даже опешил. Какой-то сморчок будет указывать ему, Подопригоре!..

Стало понятно, что этот по-доброму не поймет, и Роберт тайне от сестры стал готовить «операцию по ликвидации». Лиха беда начало... «Сейфулла вряд ли успел узнать, кто его приговорил, он был слишком занят собой перед смертью», – мрачно подумал Роберт, теперь ему хотелось не просто замочить злодея, а чтобы тот знал, за что и кто его приговорил. Прежде чем Амалия сдала ключи от квартиры Подопригоре, где тот расслаблялся, Роберт успел сделать дубликат. Хоть у него уже и был опыт, но еще не богатый, а убить человека все-таки это не дров нарубить. Так прошло более полугода, прежде чем все обстоятельства срослись вместе, и откладывать было нельзя из-за давления, оказываемого этим подонком на Амалию. Она бы не одобрила такие радикальные меры, и Роберт не стал посвящать ее в свои планы. А защитить ее он считал своим долгом, причем защитить любой ценой, любой.

Он проник в квартиру и прождал до самой ночи свою жертву, но Подопригора в этот раз не появился. Тщательно убрав следы своего присутствия, Роберт вернулся домой далеко за полночь. Потом были еще две неудачные попытки. Но вот, наконец-то, его терпение вознаграждено – во время очередного ожидания он увидел из окна квартиры, что Подопригора был. Он вполне мог явиться домой и не один, на такой случай Роберт не был готов совершенно. Он даже не предусматривал такой возможности. Он вошел в подъезд и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Роберт спрятался за дверью, зажав в руку массивный бронзовый бюст Сталина, который едва помещался в ладонь. Когда дверь открылась и в нее протиснулась жертва, он со всей силы обрушил Сталина на голову мерзавца. Тот рухнул и не подавал при-

¹⁹ Ослабление напряжения.

знаков жизни. Роберт заранее приготовленной веревкой связал ему руки за спиной и привязал к ногам, тоже связанным, причем так коротко, что тот выгнулся в дугу, в рот засунул кляп и полил после этого на него воды из чайника. Подопригора очухался и вытаращил глаза на своего мучителя, глаза, полные ужаса. Роберт был хладнокровнее обычного, он сказал ледяным тоном:

– Если будешь паинькой, вытащу кляп и поговорим. Будешь паинькой?

Тот закивал головой с таким же подобострастием, какое он обычно являл к своим начальникам, если не с бóльшим. Кляп изо рта был вытащен, и Роберт спросил его:

– Кто я такой, тебе известно?

– Да, брат Амалии...

– Ага, такой же фашист, как и она... Надеюсь, у тебя найдутся разумные аргументы, чтобы я не забирал твою жизнь, давай убеждай, времени тебе три минуты.

– Я же помогал Амалии!

– А бескорыстно ты не мог помогать?

– У меня есть деньги, много денег...

– Что ж, начало не плохое, а где? Если вне пределов этой квартиры – забудь.

– Много вне пределов, а здесь тоже есть немало. Тут у меня потайной сейф есть, за портретом товарища Сталина.

– Надо же, как вы его до умопомрачения любите все. Кстати, именно «до умопомрачения», это он тебя выключил собственноручно, хотя его бюст и без рук.

– Ключи в портфеле. Для сейфа нужен еще шифр, его день рождения.

– Ну, мой друг, это уже перебор, я не знаю, когда ваш вождь родился.

– 18.12.78.

Роберт залез в портфель, который выпал из рук при ударе и валялся рядом и на который он не обратил внимания, открыл его и оттуда кроме ключей он достал еще и наган.

– О, das war knapp...²⁰

– Не понял, – прокрихтел Подопригора.

– Если бы не наповал с первого раза, ты бы меня пристрелил как цыпленка...

Жертве было крайне неудобно в таком положении, и он попросил ослабить веревки, мол, принимая во внимание добровольное сотрудничество... Но Роберт был неумолим:

– Ничего потерпишь, узнаешь, что такое терпеть, сколько сестра тебя терпела, сколько мы все от таких, как ты, натерпелись...

– Почему за всех я должен отвечать?

– Ты не должен за всех отвечать, ответишь за себя, – он немного ослабил веревку и сам ушел в другую комнату, оставив дверь открытой, и стал возиться с сейфом.

Подопригора предпринял нечеловеческое усилие, ослабил несколько больше связанные руки и сначала сел, а потом стал на колени и принялся лихорадочно сзади на ощупь развязывать ноги, и это ему почти удалось, но тут вернулся Роберт и со всего маху заехав сапогом в челюсть, сказал все тем же ледяным тоном:

– Ах, как нехорошо, ты же обещал быть паинькой, теперь твой аргумент, деньги, потерял силу, ведь ты бы сейчас такое устроил, если бы я имел бóльшую любовь к деньгам и принялся их пересчитывать... Молись, собака, впрочем, вам, коммунистам, это ни к чему.

Он включил радио громче, музыка приглушила звук выстрела нагана, кроме того еще прикрытого подушкой. Из огнестрельного оружия все-таки проще убить, ну и пусть с шумом, стены достаточно толстые, да и на улице шумно. Роберт уходить не торопился, он основательно выгреб содержимое сейфа, где кроме денег были несколько пачек патронов к нагану, бланки различных документов от паспортов до военных билетов. «Пригодится», – подумал он,

²⁰ Это было рискованно.

с немецкой аккуратностью сложив все в просторную сумку, найденную в шифоньере. Портфель был маловат для всего барахла, да и кроме того очень уж узнаваем. Труп он оттащил в шифоньер, запер дверь на ключ. Закрыл сейф, повесил картину и поставил на место бюст вождя, привел все в полный порядок и собрался уходить, но тут в дверь позвонили, это было так неожиданно, что он вздрогнул. «Кого еще принесла нелегкая», – в глазок он увидел молоденькую довольно нагловатого вида девушку, решил не открывать, но та продолжала звонить. «Она так весь дом переполошит», – и он открыл. Она вошла и не здороваясь с порога:

– Это тебя я должна что ли ублажать?

– Хм-м... я... с...

– Да не дрейфь, красавчик, я-то думала, что опять будет какое-нибудь толстое и вонючее чудище... а с тобой я бы даже и за бесплатно, а что так долго не открывал?

– Да я в ванной был, – соврал он, приходя в себя.

– Ну так с чего начнем, сразу в люлю или, может быть, как-то поромантичнее?

Такого поворота событий Роберт никак не ожидал. Появился нежелательный свидетель, не убивать же еще и ее, да и на невинную рука не поднимется.

– Тут ничего нет, а я ужасно голоден, – сказал он, чтобы быстрее убраться отсюда.

– Отличная идея, я знаю тут один прекрасный ресторан, кухня – изумительная, музыка – профессиональная, винный погребок – что надо, все как полагается.

– Нет, – сказал Роберт, – я не хотел бы тут показываться в обществе...

– Проститутки, – подсказала она замешкавшемуся Роберту.

– Да нет, ты не так поняла, я не это хотел...

– Да ладно, проехали, – весело сказала она, – я не обидчива.

– Ты мне определенно все больше и больше нравишься.

– Ты мне тоже, можно сказать, что я влюбилась с первого взгляда, – сказала она полушутя.

– Сделаем так, – Роберт окончательно пришел в себя, – мы прогуляемся пару кварталов и по пути решим, где мы поужинаем романтически, – последнее слово он произнес, передразнивая ее интонацию.

Они вышли. Она налегке, а он нес свою увесистую сумку. Она спросила:

– А ты никак уезжать собрался? А куда, если не секрет?

– Не секрет, в Новосибирск, – назвал он первый пришедший в голову город...

– Красавчик, а возьми меня с собой, никаких сил моих женских нет тут оставаться, достали все меня. Возьми, пожалуйста... Я тебе верной буду, буду стирать, готовить, я все умею... – боясь отказа, затараторила она все быстрее.

«Вот и решение проблемы», – подумал он, а вслух сказал:

– Тебе долго собираться, как родные, отпустят?

– Да у меня нет никого, домой забежать, пару запасных трусов взять, и все, я мигом.

– Нет, домой заезжать времени нет, все купим.

– Согласна.

– Ну тогда лови такси, сначала в тихий ресторанчик, поужинаем и вперед, в Новосибирск... Слушай, а ведь мы не знакомы еще. Я – Роберт.

– Интересное имя, такое же загадочное, как и ты сам. Я – Зарина.

– Не менее интересное и загадочное имя. Давай договоримся так, друг друга не расспрашивать ни о чем. Кто сколько захочет рассказать о себе сам, пусть столько и расскажет. Мы сегодня вместе, а завтра, может быть, дороги разойдутся...

– Это немало и это здорово! Так крупно, как сегодня, мне в жизни еще никогда не везло!

– И мне тоже, – поддержал настроение Роберт, посмотрев на сумку.

– Неужели?!

Они подъехали к ресторану и даже вошли в него, но тут Роберта осенило:

– У меня есть еще одно незаконченное дело, мне надо заехать к одному товарищу на прощание, у него и поужинаем, а заодно и проверим, как ты умеешь готовить.

Они купили продуктов, причем руководила операцией Зарина, она лишь спросила: «А каков у нас бюджет?» Получив ответ: «Неограничен», – скупил все что нужно и много чего, что не нужно. С этим они приехали к Семиуглову. Он им открыл в наспех накинутых штанах и майке, повел по темному коридору в свою комнату. Семиуглов без уличной одежды выглядел каким-то жалким, хотя и довольно высокого роста, слегка ссутуленный, с торчащими наружу лопатками и впалой грудью. Руки в локте были полусогнуты и при ходьбе он ими размахивал не в такт ходьбе, руки работали независимо от ног. Когда они пробирались мимо всевозможных тазиков, кастрюль, веревок с бельем, задевая их на ходу, те задорно на все лады отзывались различными радостными звуками, как показалось Роберту. Добравшись до комнаты, Семиуглов поспешно там и сям убрал кое-какие детали интерьера, не делающие чести этому интерьеру, с Робертом ведь дама. После общих слов, не тратя времени даром, Зарину проводили в кухню, где она довольно быстро управилась с ужином. Пока она готовила, Роберт написал письмо Амалии, суть которого сводилась к тому, что ему необходимо уехать, и ее замужеству нет больше преград, и она имеет его благословление, сожалеет, что не может присутствовать на свадьбе и что как только утрясет дела, вернется. А писать ему можно на адрес Апашки, который прилагался.

– Ужин готов, – объявила Зарина, и они быстро втроем накрыли на стол.

– У, как вкусно, – смачно жуя, проговорил с полным ртом Семиуглов.

– Мы еще и не то можем, – примазался к чужой славе Роберт.

Семиуглов, наверно, давно ничего не ел или сильно разволновался и от того набросился на ужин. На фоне этого настольного изобилия несуразно маленький ротик Петра был как-то не ко двору, но его обладатель довольно умело погружал в него большие куски. Роберт иной раз даже думал, что очередной немалого размера кусок уж точно не пролезет через отверстие, называемое ртом. Ничуть не бывало, кусок успешно скрывался в недрах и вилка натыкала следующий еще больший кусок, который перед входной дверью тоже долго не томился. Он невольно оценил жениха и был несколько разочарован выбором Амалии. «Видела она его раздетым, интересно? Как мне жалко их, всех женщин, им спать надо с мужиками, иногда вот с такими, то ли дело нам, с такими, как эта, – он посмотрел на Зарину, – наверное, сплошное удовольствие»... Им овладело нетерпение, и они стали собираться.

– А это мой свадебный подарок, – сказал он Петру, подавая завернутый в газету пакет. – С моим благословением и пожеланием счастья. Смотри, береги ее, если будешь обижать, приеду и убью... шутка. Ты парень воспитанный, ты сделаешь ее счастливой, вы так подходите друг другу, – соврал он.

Не совсем осознавая реалии в налетевшем урагане, Петр Семиуглов лишь кивал головой, ошарашенный известием, что она дала согласие (хотя она сама еще этого не знала).

Будущие шурины и зять крепко обнялись на прощание. Зарина и Роберт отчалили с ночным поездом.

Позже Амалия, читая и вновь перечитывая письмо, а также держа в руках такую кучу денег, все поняла и нельзя сказать что обрадовалась... Одна гора свалилась с ее хрупких плеч, но тут же взгромоздилась другая – забота о Роберте, о его теперь полулегальном положении. Она снова и снова расспрашивала будущего мужа про Роберта. Тот только с четвертого раза вспомнил, что при нем была девушка, как зовут и прочие подробности он не смог вспомнить, как ни пыжился. Амалия даже злилась на него за такую скудную информацию, за его нелюбопытство:

– Почему не расспросил? Мужчины, мужчины...

– Аля, – оправдывался Семиуглов, – дык он как сказал, шо ты как есть согласная вся, я ни ап чем и не мог думать боле, не то что ни ап чем думать, а вавше думать, соображать перестал, обалдел от счастья.

– Ну что мне делать с тобой, таким счастливым, – смягчилась она, – но мои девчонки будут жить с нами, сколько захотят, это мое условие!

– Я согласный на все, любовь моя, звезда моя...

– Если ты хоть раз, не дай Бог, скажешь или даже намекнешь, фашистка или что-то в этом роде...

– Ни-ка-да!

Подопригору нашли спустя месяц. Обнаружив вскрытый и пустой сейф, решили, что это ограбление, поспрашивали соседей, и дело закрыли...

Война давно кончилась. Российские немцы все ожидали ослабления режима и разрешения вернуться на родину, но вместо этого в 1948-м вышел указ о вечном поселении, вечном изгнании. Радужные мечты рассыпались как пыль, но будущее могло быть только лучше, уже потому, что хуже, чем во время войны, было некуда. Делать нечего, нужно приспособливаться, жить, коли уж выжить смогли. Еще долгих восемь лет немцы находились «под комендатурой», что означало каждый месяц отмечаться в этой комендатуре, без разрешения никуда не отлучаться, множество других обязанностей, и еще больше ограничений в правах, как и прочие связанные с этим «блага». «Комендатуру» отменили только в 1956 году, да и то без права возвращаться на родные земли. Но мы забежали немного вперед. Вернемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.